

Михаил Щербаченко

Закрытая связь



18+

Михаил Щербаченко

Закрытая связь

«Автор»

2026

Щербаченко М. Л.

Закрытая связь / М. Л. Щербаченко — «Автор», 2026

Юрий Крутиков, опытный чиновник мэрии провинциального Полетаева, переживает покушение — и вместо передышки оказывается в центре новой аппаратной комбинации. За служебными кабинетами, громкими проектами и борьбой за должности скрываются личные счёты, тайные союзы и чувства, которые могут оказаться опаснее любой политической интриги. «Закрытая связь» — сборник современной сатирической прозы, объединяющий одноимённую повесть и рассказы о людях, привыкших выстраивать карьеру, любовь и благополучие как безошибочный план. Но судьба постоянно меняет правила: успех оборачивается потерей, поражение — неожиданной свободой, а самые серьёзные решения порой принимаются из тщеславия, страха или любви. Ироничная и наблюдательная книга о власти, возрасте, мужских амбициях, человеческих слабостях и непредсказуемой логике жизни.

© Щербаченко М. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Крестики-нолики	6
Закрытая связь	8
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Михаил Щербаченко Закрытая связь



Крестики-нолики

Есть извечная игра человека с судьбой. Вот они садятся друг напротив друга и начинают состязание, знакомое каждому с малолетства. Человек ставит в клеточках крестики, судьба рисует нолики. Человек старается выстроить сплошной ряд по вертикали, горизонтали, диагонали. Линии любви, карьеры, благополучия, долгожительства, власти — да мало ли у него желаний. А судьба — она же фатум, карма, госпожа удача, расположение светил и прочие неосязаемые материи — мешает вычертить непрерывную прямую.

Если присмотреться, в этой игре содержится код жизни. Выиграл в одном, проиграл в другом, — диалектика, однако! Развитие через противоречие. Разве не интересно?

Герою одного из рассказов, включенных в этот сборник, на юбилей дарят нравоучительную книгу. В ней утверждается, что если вы не потратите к концу жизни заработанные деньги, то считайте, что зря промотали отпущенное вам время. Так что опустошайте свой кошелек, как говорится, с весельем и отвагой победителя! Что думает на сей счет персонаж, заранее не скажу, зато предлагаю взглянуть на этот постулат, так сказать, через широкоугольный объектив.

Если понимать жизненный капитал не только как имущество и деньги, а еще и как энергию человека, его природные и благоприобретенные дарования, его трудоспособность, целеустремленность, профессиональные и иные амбиции, — короче говоря, всю совокупность отпущенных ему ресурсов, — то выглядит разумным, рачительным, если угодно, гуманным по отношению к себе израсходовать их по максимуму. Исчерпать до дна.

Однако, чтобы истратить, сначала неплохо бы накопить. Но многие решают дилемму: стоит ли рвать пуп, или лучше свесить весла и плыть, наслаждаясь течением? А если все же впрячься, точно ли будет результат? Вдруг ты себя переоцениваешь. Кстати, что выгоднее: переоценить себя или недооценить? И ради кого тратить силы: ради себя или других? А эти другие — родные и близкие — оценят ли твои старания, скажут хотя бы спасибо? Если нет, тогда зачем? И так далее, по кругу. Куда денешься — диалектика.

В перекрестье подобных сомнений и заполняют свои клеточки персонажи этой книжки. Собственно говоря, как и ее автор.



Закрытая связь

*Ни слова про любовь. В лета, как ваши,
Живут не бурями, а головой.*

*Уильям Шекспир. Гамлет
(перевод Бориса Пастернака)*

Не предвижу возражений, если заявлю, что интерес к литературному сочинению зависит от профессии персонажей и среды их обитания. Чем интереснее занятие героев, тем интереснее читать. Вот автор и думает, где бы устроить действие этого повествования. Что скажете о детективном бюро? Или о рок-группе из девяностых? Может, взять нефтяную компанию? Скорая помощь, средняя школа, убойный отдел, модельное агентство — как вам такие варианты? Чувствую, не проходит, все это уже перетерто и литераторами, и кинопродюсерами.

Ладно, поищем что-нибудь новенькое. Как насчет птичьего рынка? Или музея восковых фигур? Бюро ритуальных услуг тоже неплохо, заодно и кладбище можно прихватить. Что там еще? Аквапарк, монетный двор, комиссионный магазин, оружейный склад, парфюмерная фабрика, планетарий, зоопарк, симфонический оркестр... Места совсем или почти нетронутые, почему бы не проникнуть в них?

Так-то оно так, но есть неувязка: они мне не знакомы. В лучшем случае я туда либо просто заглядывал, либо что-то слышал от других. А ведь не зря придумано правило: сочинение только выиграет, если автор будет знать предмет изображения. Можно, конечно, убить уйму времени на изучение неведомых тебе сфер, но у меня имеется иное предложение.

Есть одно место действия, которое автор по собственному опыту неплохо знает. Называется оно — государственная служба. Постойте, не отрицайте с порога: дескать, тоска зеленая, что может быть увлекательного в мире чиновников? То, как они пилят, откатывают, заносят, впаривают, сливают, кидают, лижут, подставляют? Об этом только неграмотный не писал, так что увольте.

Что ж, справедливо, но примите все же возражения. Мир госслужащих, функционеров, аппаратчиков, участников кабинетных, коридорных и подковерных игр весьма увлекателен. В нем проживает много умных и способных людей, между которыми существуют закрытые связи.

И, не поверите, в этом мире есть место любви.

Если эти доводы возымели хоть какое-то действие, то начнем для затравки с жареного.

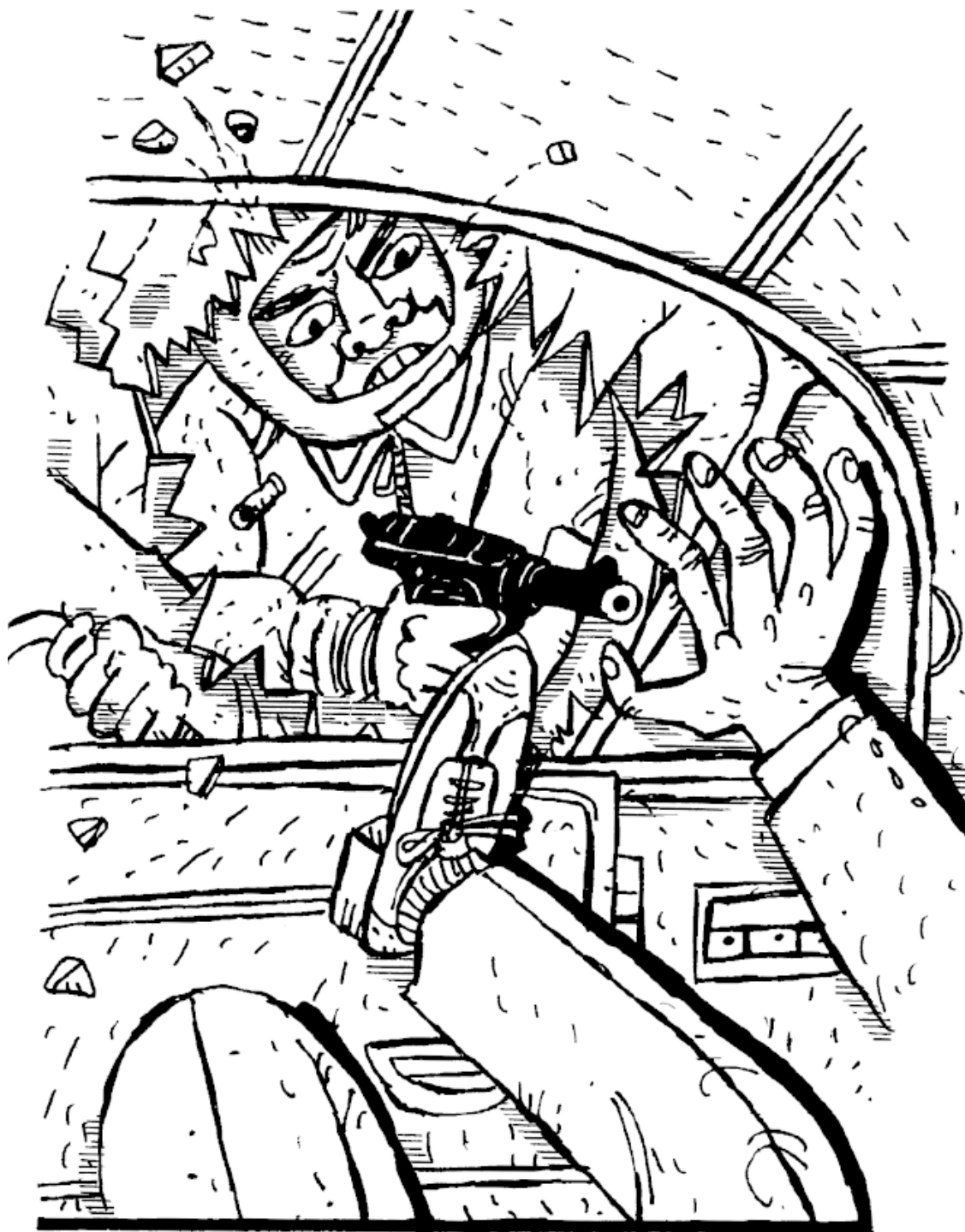
1

«Как можно ездить в шлеме с затонированным стеклом, что он вообще сквозь него видит?» Крутиков разглядывал мотоциклиста, стоящего на красном свете рядом с его окном. Сам он сидел, как и принято, на заднем сиденье справа, по диагонали от водителя. Там положено находиться начальникам. Хотя, если честно, Крутикову больше нравилось размещаться впереди, рядом с шофером. Но нельзя. Коллеги увидят, что ты выходишь из передней двери, и ехидно хрюкнут. Мелочь, конечно, но знали бы вы, как много значат мелочи в благородном аппаратном деле. И сколько властолюбивых, энергичных и хитроумных самцов ломали свои карьеры из-за того, что не придавали значения несущественным, на первый взгляд, деталям, нюансам, штрихам, подробностям. Впрочем, об этом еще будет не один повод порассуждать.

Светофор загорелся желтым, и Крутиков не понял, почему мотоциклист вместо того, чтобы обратить взгляд на дорогу, поворачивает черное пластиковое забрало к нему. И тут же почувствовал сильный удар в правый бок и свалился на сиденье. По ушам били громкие

хлопки, и он успел догадаться, что это пули пробивают корпус его служебного автомобиля со спецномерами правительства города.

Когда сознание на миг вернулось, Крутиков ощутил, что его куда-то везут. Судя по внутренностям автомобиля и по визгу сирены, на скорой помощи. Но в голову почему-то стукнула несвоевременная мысль: он сорвал заседание правительства. Потому что в это время должен был докладывать мэру и членам кабинета о ходе благоустройства нового жилого района. Но, может, оно и к лучшему, ибо ничего хорошего от этого заседания он не ждал. Придя к этому логичному умозаключению, Крутиков с чистой совестью потерял сознание.



Ныне понятие «правительство» трепета в народе не вызывает — чуть ли не в каждом населенном пункте местная власть норовит себя окрестить этим словом. В ином поселке городского типа отыщешь и премьера, и министра. Но у нас-то масштаб иной, наше место действия — город Полетаев, областной центр на берегу полноводной русской реки. Не администрации же или какой-нибудь управе осуществлять тут властные полномочия, так что «правительство» вполне отвечает полетаевскому статусу.

Зал заседаний правительства был заполнен. Длинные столы стояли буквой «П», за ними сообразно чину-званию сидели руководители структурных подразделений. Кресло, стоящее у середины поперечного стола, было выше и шире других. Чтобы каждый понимал: это трон самого градоначальника. Трон пустовал, хотя заседание должно было начаться еще четверть часа назад.

А мэр города Полетаева Федор Назарович Пужаев сидел у себя в кабинете и наливался злобой. Секретарь уже третий раз подряд доложил, что Юрий Кириллович Крутиков, первый из трех основных докладчиков, до сих пор не появился. Пойти в зал и вместе со всеми дожидаться опоздавшего подчиненного — конечно, не по рангу. Поэтому градоначальник занимал себя тем, что придумывал, в каких выражениях он размажет потерявшего страх Крутикова.

Из приемной донесли тяжелые шаги, и в кабинете нарисовался Гетманов.

— Федор Назарович, — нервно пыхтя, доложил начальник городской полиции, — у нас ЧП. И еще какое.

* * *

Зал заседаний тем временем оживился. Утомившись ожиданием, публика разговорилась, шепотком пошли сплетни и анекдоты, аккредитованные журналисты полезли с вопросами к членам кабинета. И только одна женщина молчаливо и серьезно листала бумаги, вынимая их из толстой синей папки. Хотя она сама собрала и систематизировала цифры с фактами, в данном случае перепроверить себя было не лишним. Слишком велика ставка.

Звали женщину Лариса Егоровна Смышляева. Она готовилась к атаке.

Собственно говоря, следует очертить тему заседания. На повестке дня стоял один вопрос: предстоящая сдача в эксплуатацию жилого комплекса «Золотая ладья». «Ладья» — потому что спускающаяся к реке разноэтажная застройка напоминала своей планировкой очертания гигантской лодки. А «золотая», ясное дело, для пышности. И еще потому — но об этом не обязательно говорить вслух, — что стоимость проекта была поистине золотой. В полном согласии с целью предприятия: утереть нос соседям по региону и показать федеральному и областному центрам, какие вершины способен покорить Полетаев во главе с мэром Пужаевым.

Финансирование «Золотой ладьи» складывалось из бюджетных вливаний и частных инвестиций, архитектурный проект заказали модному московскому бюро, внедрили передовые строительные технологии, закупили в Закавказье и Средней Азии разнообразные отделочные материалы. В течение четырех лет, пока шло строительство, городская пресса пиарила комплекс на все лады.

Мэр торжественно пообещал полетаевцам, что в День города, который отмечали во второе воскресенье июня, «Ладья» будет готова к заселению по всем позициям: с отделанными квартирами, с инженерными коммуникациями нового поколения и развитой инфраструктурой: школой, детским садом, универсамом, поликлиникой и даже небольшим стадионом. И, само собой, с полным набором благоустройства: подъездными путями, подземными и наземными парковками, велодорожками и тропинками для терренкура, детскими игровыми площадками. Ландшафтный дизайн будет представлен клумбами, декоративными кустарниками и небольшим парком. Особой фишкой станет прибрежная зона — с набережной, смотровыми площадками, амфитеатром для концертов, причалом и пляжем.

«Забудьте те времена, — восклицал Пужаев, обращаясь к горожанам, — когда новоселы застревали в лифтах, месили грязь у подъездов и боялись отпустить детей во двор! Ныне, присно и во веки веков счастливые обладатели новых квартир будут заселяться в стопроцентно подготовленную для комфортной жизни среду. Это вам гарантирует социально ориентированное правительство нашего города».

До сдачи «Золотой ладьи» в эксплуатацию оставалось всего ничего — два месяца. В жилых домах наводили марафет, в универсаме и поликлинике устанавливали оборудование, на стадионе стелили искусственный футбольный газон. И всем бы радостна была картина, если бы места под благоустройство не напоминали пустыри. Кое-где все же лежал асфальт, торчали деревья и кустики, но этот пейзаж мало того, что не ласкал взор, — он предвещал грядущую катастрофу с непереносимыми административными последствиями.

Вернемся, однако, к госпоже Смышляевой и объясним причины ее воинственного настроя. Для этого нужно назвать занимаемую ею должность: директор департамента жилья. Лариса Егоровна отвечала за распределение городской жилплощади, и в «Золотой ладье» она уже все отработала: для каждой из нескольких сотен квартир был определен, согласован и утвержден владелец, который готовился ко Дню города перевезти свое имущество по новому адресу.

Смышляева регулярно посещала стройплощадку и зорким глазом видела, что благоустройство к сроку не закончат. Мэр взбесится, будет скандал. По части строительства, жилищного хозяйства, торговли и здравоохранения все шло по графику, главного архитектора города и начальника технической инспекции упрекнуть не в чем, директорам департаментов спорта и образования тоже не стоит волноваться. Под ударом — директор департамента благоустройства. Он срывает мэру всю игру. Ну и черт с ним, пусть получит по заслугам. Но проблема в том, что вместе с ним на плаху могут потянуть и ее, бесценную Ларису Егоровну.

Конечно, за детские площадки, газоны, парковки и лодочную станцию она не отвечает, но опытная Смышляева отлично понимала, что вся ее креатура, а именно будущие новоселы, поднимет такой визг, что мэр устроит казнь. Почему не информировала о положении дел? Почему не била в колокол? Так что ей любой ценой надлежало выскочить из-под топора.

Поэтому на обсуждении завершающей стадии строительства «Золотой ладьи» она вызвалась стать содокладчиком директора департамента благоустройства Крутикова. И не поленилась самолично исходить территорию комплекса, переписать и перефотографировать все проколы, набить этим компроматом толстую папку, чтобы при всем честном народе треснуть ей по башке Юрия Кирилловича. Моральных мук Лариса Егоровна не испытывала, они друг друга терпеть не могли.

Смышляева закрыла папку, незаметно посмотрелась в зеркальце. Лицо бледное и строгое, выющиеся рыжие волосы придают образу воинственность. Хотела покрасить губы алой помадой, но решила, что это чересчур — будет казаться, что изо рта стекает кровь. Кровь Крутикова. Костюм был продуман в прокурорском стиле: темно-синий двубортный пиджак с золотыми пуговицами. Под ним — белая блуза с темным галстуком. Погон не было, зато лацкан пиджака украшала золотая брошь.

Мэр дослушивал доклад начальника УВД:

— Федор Назарович, личный состав делает все, что в его силах. Введен план «Перехват»...

— Замолчи, — буркнул мэр. — Дай подумать.

«Что бы это значило? — прокачивал новость Пужаев. — Что мог натворить Крутиков? Вроде парень тертый, ловкий. Договороспособный. А если стреляли не в него, а в меня? В порядке предупреждения. Тогда чей заказ?»

Мэр вышел из-за стола и проследовал в зал заседаний правительства. Чиновники встали, приветствуя босса. Наступила тишина.

— Только что случилось чрезвычайное происшествие, — наслаждаясь сочными обертонами своего голоса, произнес Пужаев. — На директора департамента благоустройства Юрия Кирилловича Крутикова совершено покушение. Он ранен и доставлен в больницу, врачи борются за его жизнь.

Зал шумно вздохнул и выдохнул.

— Нет никаких сомнений, — продолжил мэр, убедившись, что телекамеры работают, — что речь идет о мести криминала глубоко порядочному, принципиальному работнику исполнительной власти города. Стойкому борцу с коррупцией. Нашему верному товарищу. Хочу заверить вас и всех жителей города, что преступники будут найдены и наказаны по всей строгости.

Мэр удалился, публика, обсуждая новость, тоже двинулась к выходу. В зале осталась одна Смышляева со своей папкой. «Везучий, гад, — подумала она о Крутикове. — На ниточке висел. Может, сам все и подстроил».

* * *

— Ну, как он? — влетел в кабинет главврача Вакцинян.

— Лучше, чем мы ожидали, Багдасар Ашотович. — Главврач вышел из-за стола и помог гостю выбраться из плаща. — Кровотечение остановили, проверили органы. Верите ли, все в целости — печень, желчный пузырь, почка. Ничего не задето. Так что будет как новенький. Сейчас он в отключке. Дней десять у нас пролежит. Вип-палату уже приготовили.

— А его водитель?

— Этому пуля срикошетила в бедро. Не критично, с ним работают. Так что, считайте, обошлось. То ли оба везунчики, то ли убийцы не те пошли. Примите антидепрессант, Багдасар Ашотович.

Главврач налил бокал коньяка, протянул гостю. Тот залпом выпил.

— Когда оклемается?

— Часа через два.

Директор департамента здравоохранения — а это был именно он — достал телефон.

— День добрый, это Вакцинян. Федор Назарович у себя? Понятно. Когда закончится совещание, передайте ему, что я звонил из больницы. Да, он ждет моего доклада. С Крутиковым все нормально, через два часа — нет, пожалуй, через три — выйдет из наркоза.

— Что, сам пожалуйет? — почтительно спросил главврач.

— Даже не сомневайся. Плесни-ка еще.

2

Пока промытый антисептиками, дренированный, аккуратно зашитый и перевязанный пациент кемарит под общим наркозом в реанимации, есть время узнать его поближе.

Существуют люди, о которых говорят: боец. И всем понятно, о чем речь. Но вот вопрос: причислим ли мы к этой почтенной касте не того, кто бьет, а кого бьют? Можно ли быть одновременно бойцом и жертвой?

Юрий Кириллович Крутиков, сорока семи лет от роду, руководит департаментом благоустройства уже девять лет — и все эти годы сносит побои.

Его всегда есть за что поколотить. На трассе, по которой ездит мэр, стерлась дорожная разметка — удар по корпусу. Во дворах не хватает детских площадок — хук в голову. Не вывезли вовремя мусорную кучу — джеб в солнечное сплетение. Вытоптан газон на площади — получи с ноги в коленную чашечку. Заглох центральный городской фонтан — бросок через бедро с последующим удержанием.

Его лупят на заседаниях правительства, на селекторных разборках, на оперативках, на открытых и закрытых совещаниях. Навешивают в просторных залах, тесных кабинетах и на свежем воздухе. Молотят под телекамеры и с глазу на глаз. Охаживают ядовитым шепотом и ядреным матом.

Он никогда не спорит, знай себе записывает в блокнот претензии и тусклым голосом говорит: «Так точно. Исправим. Доложим». Иногда исправляет, чаще — нет; он знает, что не стоит суетиться, ибо каждый новый день принесет новые нарекания. Большой город не отполируешь, поэтому невозможно предугадать, откуда прилетит свежая оплеуха.

Он увешан замечаниями, выговорами и строгими выговорами с предупреждением о неполном служебном соответствии. Он всегда готов к новым взысканиям и оргвыводам. Потому что обладает одной из основополагающих личностных черт, без которой не стать должителем госслужбы. Это, конечно же, терпение.

Держать удар — мастерство, которое дано немногим. Чтобы им овладеть, нужно смешать в себе коктейль из высокого болевого порога и слоновьих нервов, притупленного самолюбия и умеренного пофигизма, огромного желания удержать должность и, по вкусу, нескольких капель садомазы.

Так что Крутиков, конечно же, боец. Не мальчик для битья, но крепкий орешек. Его недоброжелатели выглядят забияками легчайшей весовой категории, повисшими на борце сумо, который стоит в центре татами и повторяет заклятье: «Исправим. Доложим». Он приучил людей всех рангов к тому, что его можно бить, но нельзя заменить. Когда-то было можно, а теперь — поздно. Он как тот администратор, глядя на которого, говорят: «Чем он там занимается?», но стоит ему отлучиться, вопят: «Куда он подевался?!»

Когда Крутиков открыл глаза, первым, что он увидел, было лицо Котава. С растрепанными редкими волосами и густыми усами.

— Мамой клянусь! — заголосил Котава. — Юрий Кириллович, это не я! Мамой клянусь.

— Вы о чем, Зураб Мерабович? — слабым голосом спросил Крутиков.

— Я вас не заказывал, мамой клянусь.

— А-а, вот оно что... — Мысли Крутикова потекли бегущей строкой. С этим Котавой, директором подрядной компании, у него недавно действительно произошел серьезный конфликт.

— Точно не вы? Может, просто недострелили?

Котава захрипел и затряс головой.

— А тогда кто, Зураб Мерабович? На кого мне грешить?

— Мамой клянусь, не знаю. Но узнаю, вы не сомневайтесь.

«А в самом деле, кто это может быть?» — думал Крутиков. Личные мотивы он исключил: чужих жен и любовниц не уводил, деньги не брал — во всяком случае, у частных лиц. Стал перебирать в памяти конфликты с подрядчиками. Выбор был обширен, поскольку в ведении его департамента находилось три десятка организаций — ГУПов, ООО, ОАО, ЗАО. Какие-то из них имели узкую специализацию: проектирование уличной мебели, или строительство дворовых спортивных площадок, или устройство ливневой канализации, да мало ли что. Но были и фирмы, которые выполняли весь комплекс работ по благоустройству.

Среди них особняком стояли отраслевые «киты»: «Городская среда», «Квартал комфорта», «Территория развития». Они претендовали на основную часть бюджета, который департамент распределял через тендерные процедуры. С ними было труднее всего — понимая свою значимость для городских программ, они вечно качали права, требовали дополнительного финансирования, спорили с крутиковскими контролерами; в общем, вели себя самоуверенно, а временами — просто нагло.

Долголетняя работа в сфере, где имеют хождение большие государственные деньги и черный нал, взятки и откаты, где приходится брать в расчет национальные, криминальные и

иные вводные, сделала Юрия Кирилловича одновременно решительным и осторожным. Он понимал, когда нужен кнут, а когда — пряник, и даже самые скандальные подрядчики уважали опытного директора департамента и знали, что не стоит доводить его до крайностей.

Позволю себе краткое лирическое отступление. В каталоге волнений, опасений и подозрений, портящих кровь государственному служащему, есть особый раздел тревожных мыслей. Они посещают не всякого, а лишь тех избранных, кто наделен священным правом распределять бюджетные средства. Один только факт назначения на должность управленца, в чьем ведении находится прикосновенный денежный фонд, уже содержит зерно конфликта, которое непременно прорастет.

Исполнители городского заказа, привыкшие к регулярным бюджетным субсидиям, и их антиподы, не попавшие, но стремящиеся в избранный круг, заведут хоровод, похваляясь достижениями и выражая готовность проявить личную преданность новому руководителю.

Пение сирен ласкает слух, но все помнят бардовскую строку: «И пряников, кстати, всегда не хватает на всех». Наступит момент, когда придется произнести слово «нет». Объяснение может быть любым — сокращение ассигнований на данный вид работ, неполный набор документов для участия в тендере, наступление Судного дня, — но суть одна: денег не будет. И ничто не переубедит обиженного в том, что отказ исходит лично от первого лица. Следом это самое лицо испытает многообразные формы и методы воздействия и принуждения, которые применят просители.

Так вот, Зураб Мерабович Котава был директором солидной фирмы под названием «Благосфера». Два последних городских заказа он выполнил плохо — с низким качеством работ и нарушением сроков сдачи. Крутиков осерчал и прокатил его со следующим тендером. Котава сорвался и нахамил Юрию Кирилловичу в его же кабинете на глазах у других подрядчиков. Яркая кавказская речь завершилась восклицанием: «Вы об этом сильно пожалеете, мамой клянусь!»

Теперь, конечно, Котава понимал, что будет первым подозреваемым. Потому и примчался в больницу. Но чутье Крутикова подсказывало, что это не его рук дело, повод все же мелковат. А если кто-то из своих, из мэрии?

* * *

Из больничного коридора донесся шум. В палату вбежал Вакцинян и вытолкал Котаву за дверь. «Кажется, началось, — догадался Крутиков. — Примем позу страдальца». Он уронил голову с подушки и прикрыл глаза. В открывшуюся дверь, пятась и толкаясь задами, вползли телевизионщики с камерами и микрофонами. Объективы были направлены не на пациента, а на входящего мэра с большим букетом красных роз. За его спиной маячили главный врач больницы и лечащий хирург.

Федор Назарович широким жестом отодвинул свиту с репортерами, подошел к кровати и сел в заранее приготовленное кресло. Цветы поставили в вазу на прикроватной тумбочке. Крутиков открыл глаза, изобразил несказанную радость, попытался принять сидячее положение.

— Лежи, лежи, Юрий Кириллович, — отечески вернул его на спину мэр. — Тебе нужен покой. Весь город переживает за тебя, так что ты уж, будь любезен, поправляйся, не огорчай наших полетаевцев.

И, развернувшись вполоборота на камеры, Пужаев задвинул речь. В ней содержались все подобающие случаю тезисы. Криминал, тщетно пытающийся запугать неподкупных работников исполнительной власти. Правоохранительные структуры, которым дано поручение в кратчайшие сроки найти и обезвредить. Не были забыты и жители родного города, которые всецело поддерживают и одобряют реформы городского хозяйства, проводимые руководством.



Одна из камер была направлена на Крутикова, и пациент напрягал лицевые мышцы, выражая сыновью любовь к мэру, который, несмотря на нечеловеческую занятость, навестил и поддержал своего верноподданного оруженосца. «Морду припудрить не забыл, — думал Юрий Кириллович, поедая глазами шефа. — Чтобы не бликовала». Он знал, что Пужаев на пару с женой вечерами отсматривает все, что транслируют о нем местные каналы.

Федор Назарович тем временем завершил монолог. «Вы за него головой отвечаете!» — дал он наказ врачам и Вакциняну. И, жестом выдворив всех из палаты, пересел на кровать Крутикова.

— Ну, сокол ясный, рассказывай, где накосячил.

Крутиков хорошо знал этот прием мэра: внезапный ледяной душ. Он предвидел такой поворот и был к нему готов.

— Нигде, Федор Назарович. Я уже разные варианты в уме перебрал. Само собой, конфликты случаются постоянно, приходится разбираться, наказывать, все по делу. Но чтоб до

смертоубийства ситуацию разогреть — такого и близко не было. Я умею договариваться, вы же знаете.

— Знаю, знаю, поэтому и удивляюсь, что стреляли. Солнечным утром и в центре города. Вроде как демонстрация. Значит, никто тебе не угрожал?

— Никто. Ни угроз, ни звонков, ни подметных писем. Даже намеков не было.

— Ну ладно, Юра, вспоминай, напрягай память. Если появится версия — сразу звони мне. И поправляйся. Нам скоро «Золотую ладью» сдавать. Жаль, что утром не обсудили.

— Сам жалею, Федор Назарович, было что доложить. Простите, что до мэрии не доехал. Градоначальник засмеялся, аккуратно приобнял раненого и удалился.

Крутикова свозили на перевязку, а ближе к вечеру началось паломничество.

Первым пришел начальник УВД Гетманов. Он сообщил, что по факту покушения открыто уголовное дело и завтра утром к потерпевшему придет лучший следователь управления.

Затем явился Дубликатов, заместитель Юрия Кирилловича. Умолял не спешить с выпиской, полностью восстановиться, клялся в отсутствие шефа обеспечить порядок и контроль. Муха не пролетит, мышь не проскочит.

Следом нарисовался главный архитектор города Колизеев, по-тихому владевший мастерской по изготовлению надгробий. «Если бы тебя не откачали, — пошутил гость, — я бы такой монумент отгрохал!»

Директор департамента рекламы Выпендрович заверил, что портрет Крутикова будет красоваться на баннерах вдоль основных магистралей. С подписью: «Ими гордится Полетаев».

Говядин, директор департамента продовольствия, принес корзину с экологически чистыми и полезными продуктами. «Сам все это кушаю», — предоставил он гарантию качества.

После него пришла сладкая парочка. Заместитель мэра Лихоимов курировал комплекс городского хозяйства, куда входило несколько департаментов, в том числе крутиковский. Вместе с ним заявился Газонов, директор департамента природопользования, также находящегося в подчинении Лихоимова. По мэрии ходил слух, что их связывает тщательно укрытый схематоз.

Они ничего не подарили и не пообещали, зато принесли бутылку кальвадоса, стаканчики и конфеты. Разлили на троих, пациент не отказался, но не успели выпить, как зазвонил телефон Крутикова и голос в трубке произнес: «Юрий Кириллович? С вами будет говорить Гавриил Глебович».

Крутиков жестом попросил гостей затихнуть. Он не был лично знаком с губернатором Полетаевской области, который пребывал в этой должности меньше года. Но Гавриил Глебович Стременной сразу взял товарищеский тон, произнес все положенные слова, не забыв добавить, что в области высоко ценят деловые качества Юрия Кирилловича. Приятно удивленный, хотя и озадаченный, Крутиков заверил, что тронут вниманием губернатора. На том и простились.

— Интересное дело, — задумчиво молвил Лихоимов. — Не иначе Стременной территорию метит. Он просто так даже на горшок не ходит.

— Похоже, вербует нашего благоустроителя, — добавил Газонов.

Больной пожал плечами, они выпили, закусили конфетами, на том визит и завершился. За окном уже стемнело. «На сегодня хватит», — подумал Крутиков и ошибся. В дверь тихо постучали, и в палату вошла Лариса Егоровна Смышляева.

Тут надо заметить, что ее решению навестить Юрия Кирилловича предшествовала цепочка логических построений. Вернувшись в мрачном расположении духа с отмененного заседания правительства, она стала мониторить ситуацию. К полудню выяснилось, что Крутиков уцелел, его прооперировали, и что мэру звонил губернатор Стременной и выражал озабоченность. Вскоре Смышляева узнала, что Пужаев собрался ехать в больницу, и вперед

уже выдвинулись журналисты городского телеканала и других местных СМИ. Наконец, стало известно, что несколько начальников собираются навестить раненого коллегу.

Что все это могло означать для Ларисы Егоровны? А то, что вскоре из Крутикова сделают героя. Соответственно, позиции его укрепятся, полномочия, вполне вероятно, расширятся, не исключено и служебное повышение. Вывод прост: враждовать с Юрием Кирилловичем, человеком и без того хитрым и небезопасным, станет кратно рискованнее. Поэтому надо перестроить отношения, проще говоря — замирился. Для начала нанести визит в больницу. Но не тупо: типа, вот вам цветочки и апельсинчики, поправляйтесь скорее всем нам на радость. Такой подкат недостойн умницы Смышляевой, следовало изобрести нетривиальный, изящный ход. А уж в этом деле она была специалистом класса люкс.

3

Пожалуй, самое время представить деловой портрет Ларисы Егоровны. Из своих сорока двух годов Смышляева полжизни оттрубила в городской администрации и вот уже семь лет возглавляет департамент жилья. Под ее руководством решается множество жизненно важных вопросов — регулирование очереди на квартиры, предоставление социального жилья для льготных категорий граждан, расселение аварийных и ветхих домов... Понятно, что все эти темы сопряжены со скандалами, которые нельзя выпускать из-под крышки, но главное в работе директора департамента все же иное.

С ней напрямую имеют дело известные и влиятельные люди города, каковым свойственно бесконечно улучшать свои жилищные условия. По этой веской причине они приходят на прием к городскому голове и просят войти в положение. Голова понимающе кивает и накладывает резолюцию на прошение, которое тут же уходит Смышляевой. За схожими директивами — «Решить вопрос», «Решите и доложите», «Просьбу поддерживаю», «Прошу выполнить», «Проработать варианты и помочь» — посвященный человек разглядит иные смыслы: «Придется дать, от него не отвяжешься», «Подбери что-нибудь, но не из стратегического запаса», «Перебьется, предложи ему то, что не возьмет...» Всю эту тайнопись она превосходно знает.

Именно ей, пользующейся доверием Федора Назаровича, поручено лично разруливать вопросы деликатного свойства. В ее кабинете вершится участь многокомнатных хором. Разумеется, хочется обзавестись новым жильем бесплатно, но для этого нужен очень значительный ресурс. Чаще всего действует система взаимозачетов: отдай в городской фонд свою квартиру и получи взамен другую. Всю жилплощадь оценят, выведут разницу и, скорее всего, придется законным порядком доплатить. Хотя цифра будет ниже рыночной. Схема проста и прозрачна, но понятно же, как много тут тонкостей. Именно поэтому игру ведет тонкая штучка.

Все, кому надо, знают, что Смышляевой бессмысленно предлагать взятку, давить на нее авторитетом и жаловаться вышестоящим чинам. С ней просто надо грамотно и терпеливо сотрудничать. К примеру, она сообщает: есть прекрасная квартира, срочно смотрите. Посмотрел — не подходит. Жалко, но другой пока нет. Через месяц звонит: совершенно случайно выплыл замечательный вариант, надо решить до обеда. Как, опять не то? Ну, не знаю, до конца года ничего нового не предвидится. А через месяц новый звонок...

Так идет война нервов: брать — не брать. Лариса Егоровна думает, ворошит банки данных, комбинирует, блефует, тасует колоду, в которой отнюдь не 36 карт, а втрое, вдесятеро больше. И на каждого претендента, от шестерок до тузов, — поручение руководства, которое надо безоговорочно выполнить. Только в одних случаях лучше обойтись малой кровью (то бишь жильем попроще), а в других — патронов не жалеть (в смысле, квадратных метров). И директор департамента работает с квартирами, как виртуозный наперсточник, соединяющий ловкость рук, осмотрительность и знание психологии.

Кого-кого, а госпожу Смышляеву квартирный вопрос не портит. Напротив, даже украшает.

Теперь, надеюсь, всем понятно, что при ее изобретательности выдумать предлог для визита к Крутикову было совсем не сложно. Разумеется, она сменила синий прокурорский пиджак на джинсовую куртку, подчеркивающую неофициальность визита. В руке Лариса Егоровна держала пластиковый пакет.

— Можно побеспокоить главного ньюсмейкера нашего городка?

— Прошу извинить, — молвил удивленный Крутиков. — Я еще не отошел от наркоза и потому галлюцинирую. Представляете, мне сейчас померещилась Лариса Егоровна собственной персоной. Но это, конечно же, видение, глюк.

— Ну, тогда я в безопасности, — рассмеялась гостья. — Натуральную Смышляеву вы бы на порог не пустили.

— Смотря что у нее в пакете. Если пистолет с глушителем, то этого мне на сегодня, пожалуй, хватит. А если хороший детективный роман — тогда другое дело.

— Оказывается, я вас неплохо знаю, раз принесла увлекательное чтиво. Не криминальное. Пока. Можно присесть? Это кресло еще не остыло от попы нашего дорогого шефа?

— Последним в нем располагался изящный зад Лихоимова, так что не побрезгуйте.

Смышляева устроилась возле кровати, достала из пакета толстую папку и протянула раненому. Крутиков пролистал несколько страниц и уставился на Ларису Егоровну.

— Впервые в жизни мне дарят компромат на меня. Я так понимаю, что эти увлекательные сведения подлежали оглашению на сегодняшнем правительстве?

— Именно так. Но вы предусмотрительно пошли под пулю.

— И для достоверности еще и своего шофера ранил. За подарок спасибо, но принять его не могу. Возьмите, в следующий раз пригодится.

— В следующий раз, дорогой Юрий Кириллович, вас за «Золотую ладью» просто выпрут с грохотом и звоном. А заодно меня благодарные новоселы отдадут на съедение мэру. Все по заслугам: вы не обеспечили, я заранее не доложила.

— Так доложите, еще не поздно. Вам-то за что погибать? Отдайте папку Федору Назаровичу, и все дела.

— Вот какого вы мнения обо мне, Юрий Кириллович! Нет, я, конечно, та еще зараза, но точно не сука. Честно признаюсь, утром я была готова вас закопать, а теперь вот расчувствовалась. Не иначе что-то женское проснулось. Так что дарю вам компромат и надеюсь, что вы успеете навести порядок с этой чертовой «Ладьей», пока нас обоих с нее не выбросили, как Стенька Разин — княжну. Если хотите, считайте, что я таким образом прикрываю себя. Или проявляю корпоративную солидарность. Как вам больше нравится.

Крутиков молча и серьезно уставился на Смышляеву. Она не только выдержала взгляд, но и не собиралась его отводить. Началась игра в моргалки. Наконец Юрий Кириллович заулыбался, поймал какую-то мысль, приподнялся на кровати. И тут же ощутил сильнейший приступ боли в простреленном боку. Вскрикнув, он откинулся на подушку и потерял сознание.

* * *

Когда очнулся, боль ушла, но голова была мутная. Крутиков не сразу вспомнил, что предшествовало его отключению. Сколько времени прошло с того момента? В палате было тихо и темно, только луч луны проникал через оконный проем. И этот луч очертил фигуру человека, сидящего напротив кровати. Человек, видимо, спал или дремал, поскольку упавшая на плечо голова была неподвижна. В лунном свете поблескивала рыжая грива. Крутиков напряг память, но закачанное в него снотворное снова погрузило его в забытие.

Ранним утром главврач с хирургом разбудили пациента, и ситуация прояснилась. Крутикова вырубил болевой шок — такое случается после полостных операций. Находившаяся в его палате женщина моментально подняла на ноги всю больницу. Раненого обезболили, проделали с ним нужные манипуляции, ситуацию нормализовали, перепуганную гостью успокоили. Но она сказала, что останется, на всякий случай подежурит у постели. Главврач настойчиво уговаривал ее уйти; тогда дама пригрозила, что прямо сейчас пожалуется Вакциняну, и достала мобильный телефон. Короче говоря, ей разрешили остаться. Она просидела тут почти до утра, только недавно уехала.

Лежа под капельницей, Крутиков вспомнил ночное рыжеволосое видение. Кресло опустело, но в нем лежала толстая синяя папка. Под цвет прокурорского пиджака, который Юрий Кириллович, по счастью, так и не увидел.

Доктора ушли. Пациент набрал номер своего заместителя, продиктовал указания по «Ладье». Потом набрал помощника и дал ему срочное поручение.

Невыспавшаяся, но успевшая сделать боевую раскраску и принявшая деловой вид Лариса Егоровна вошла в свой кабинет. На приставном столике стоял огромный букет гигантских ромашек. Ни визитки, ни открытки среди цветов не было.

— От кого? — спросила она секретаршу. Возможных вариантов было несколько, Смышляева нравилась мужчинам.

— Не знаю, Лариса Егоровна. Какой-то парень принес. Я спросила. Он как-то загадочно ответил. От того, кто улетел, но обещал вернуться.

Смышляева секунду подумала и расхохоталась.

* * *

После завтрака больного навестил Фатер Меркель, который с порога объявил:

— Юрочка, залеживаться нельзя. Если тебе достался лимон, сделай из него лимонад.

Любой совет этого человека не подлежал сомнению. Это Крутиков давным-давно принял за аксиому — и ни разу о том не пожалел.

Людвиг Люцианович Меркель проработал в администрации города без малого полвека. Прошел путь от горисполкома до мэрии, а Фатером Меркелем его нарекли после того, как немцы прозвали своего канцлера Муттер Меркель. В свои семьдесят семь лет он занимал скромную должность заместителя начальника управления делами и был единственным сотрудником аппарата, с которого мэр сдувал пылинки. Что же он делал? Планировал повестки заседаний правительства, составлял ежедневные, недельные и месячные графики градоначальника, отрабатывал адресованные тому бумаги, готовил его резолюции. В общем, занимался тоскливой аппаратной текучкой.

Но те, кто хотя бы приблизительно представляют себе работу государственного органа, сразу скажут: именно эта текучка и есть приводной ремень бюрократического механизма. И в деле, требующем оперативных реакций и долгоиграющих расчетов, жизненного и делового опыта, интуиции, Людвиг Люцианович был профессионалом экстра-класса.

Крутикову еще в его бытность молодым специалистом по ведомственной принадлежности спустили письмо. Оно было адресовано лично тогдашнему городскому голове и с его резолюцией: «Рассмотреть и дать предложения» поехало по нисходящей, в конце которой как раз находился Юрий Кириллович, тогда просто Юра. В письме содержалась просьба поддержать прогрессивный технологический проект, как утверждалось, чрезвычайно перспективный для развития города, и выделить на его реализацию сумму, адекватную масштабам задачи.

Несмотря на малый опыт, у Крутикова была неплохая чуйка. И она подсказала, что с этим поручением можно крепко вляпаться. Обратился за советом к сослуживцам, однако те

предусмотрительно устранились. Но один из них заметил, что грамотное решение мог бы подсказать тертый аппаратчик по фамилии Меркель.

Испросивши у него аудиенцию, Крутиков как на духу описал проблему. Людвиг Люцианович оценивающе поглядел на парня. «Сейчас пошлет», — решил тот, но ошибся. «Что ж, давай порассуждаем», — молвил Меркель и запер дверь кабинета изнутри.

Исполнительный, но недостаточно опытный чиновник даст объективную оценку, начал он наставление. Бывалый же человек первым делом разузнает как можно больше про личность просителя. Вдруг окажется, что он вхож в дом градоначальника, играет с ним в шахматы и на бильярде или, предположим, содействует бизнесу его жены и детей. Вот и ключ к шифру. Не станет же босс подставляться и тупо накладывать резолюцию: «Предложение поддерживаю. Исполнить и доложить». Он рассчитывает на твое понимание тайного хода карт.

А теперь решай, как тебе действовать. Вроде бы логично направить вверх по инстанции хвалебный отзыв с предложением поскорее выделить искомую сумму. Но что-то подсказывает тебе, что проект квакнется. Естественно, с пропажей казенных денег. И это может привести к затягиванию петли на твоей хрупкой шее. Притом казнить тебя будет тот самый руководитель, чьи интересы ты преданно обслужил. Как тебе такая перспектива?

Вот другой вариант. Можно направить письмо, в котором подробно, со ссылками на все мыслимые авторитеты, похоронить предложенный проект. Только не надейся, что босс оценит твое усердие, вроде бы ограждающее его от возможного скандала. Куда более вероятна противоположная реакция: начальник увидит, что ты не готов рисковать ради него своей шкуркой, и переведет тебя в разряд отработанного материала.

Какой же путь выберет подлинно мудрый чиновник? Он напишет письмо, в котором придаст предлагаемому проекту грандиозное, планетарное значение. И доказательно разъяснит, что его реализация не под силу одному-единственному департаменту, тут требуется сложение усилий. Поэтому необходимо создать комиссию, куда войдут представители смежных ведомств, поставить каждому внятную задачу и навалиться всем миром.

Даже если начальник все поймет — а он, скорее всего, поймет, — твои риски сведены к минимуму, ответственность размыта. Зато в случае успеха предприятия можно оказаться среди победителей. И тогда ты со значением скажешь: «Эту идею я первым поддержал», и крыть будет нечем.

Все было исполнено точно по лекалу мудрого Меркеля, и дело сложилось как нельзя лучше. Проект получил одобрение и финансирование. Мэр выяснил, кто готовил экспертную оценку, взял парня на заметку и вскоре двинул его вверх по служебной лестнице.

А Крутиков и Фатер Меркель сблизились. Растущий чиновник периодически выказывал наставнику знаки почтения, тот платил ему встречной симпатией; разглядев в парне потенциал и хватку, аккуратно его окормлял. А под настроение пускался в откровения, которые визави выпитывал, как губка.

По ходу долгой службы на разных постах городской администрации Меркелю приходилось сотрудничать с представителями разных бизнесов, создавать условия для их производительного труда. И в один прекрасный день он осознал, что рубит фишку лучше самих предпринимателей. Его рекомендации спасали их от краха и даже помогали выйти в прибыль.

Разумеется, мысль о том, что за его счет идет обогащение других людей, не раз постукивала в мозгу. Поэтому, когда в первый раз одновременно со словами сердечной благодарности Людвиг Люцианович получил запечатанный конверт, он не возразил. Это было справедливое вознаграждение.

Надо заметить, что бизнесмены многократно предлагали мозговитому чиновнику хорошие должности в своих компаниях. Но он всякий раз отказывался, осознавая, что тот, кто сегодня дожидается аудиенции перед его кабинетом, завтра, зачислив Фатера Меркеля в свой штат, вытрет об него ноги и заставит пахать до посинения.

Так что служебный статус полностью его устраивал. Понимающему жизнь Людвигу Люциановичу не нужен был первый вагон власти, он не раз видел, как из него на полном ходу вылетали и пребольно шлепались жутко важные персоны. К таким эксцессам он относился с недоброй иронией. Фатер Меркель вообще был не чужд саркастического цинизма, приклеивал коллегам язвительные ярлыки типа «несгибаемого ума человек», любил к месту вернуть черный афоризм. «Если все хорошо, не радуйся: жизнь просто перезаряжает ружье», «В нашей фирме те, кто останутся в живых, позавидуют мертвым», — поучал он Крутикова. «И помни наш девиз: главное — не терять равнодушия!»

4

Явление Крутикова народу было обставлено с помпой. На очередном заседании городского правительства сам мэр под руку ввел Юрия Кирилловича в зал. Телекамеры мгновенно развернулись в их сторону, а догадливые руководители синхронно вскочили с мест и устроили овацию. Пужаев усадил смущенного Крутикова на его место, тот скользнул взглядом по коллегам в поисках одного-единственного лица. Это женское лицо приветливо ему улыбалось.

После заседания мэр увел Юрия Кирилловича в кабинет и сразу перешел к делу.

— Ну, догадался, кто тебя заказал?

— Нет, Федор Назарович, внятных версий нет.

— Гетманов колет какого-то кота...

— Котаву? Нет, вряд ли, он на такое не пойдет.

Мэр задумался. Крутиков знал, что в таких случаях прерывать его молчание не следует. Он смотрел на Пужаева и вспоминал, как увидел его впервые. Это случилось шестнадцать лет назад. Сам он тогда только перешел на работу в мэрию и сходу был отправлен на стройплощадку, где мэр назначил планерку.

* * *

Обстановка была нервной, ожидался разнос. Опоздав на час, прибыл градоначальник в сопровождении суетливой свиты. Шаги неспешны, взгляд в землю; что задумал, непонятно. И вдруг, не поднимая головы: «Василий, у тебя шнурок развязался».

Идущий в свите мелкий клерк окаменел. Шнурок ботинка и в самом деле развязан, но главное, шеф помнит имя Василия. Мало того: Федор Назарович идентифицирует его по ботинкам, а ведь на пустого, никчемного человека он бы вообще глядеть не стал, пусть у того хоть шнурок развяжется, хоть штаны свалются. Наконец, мэр не иначе как посылает сигнал окружению, что уж кого-кого, а Василия он помнит, ценит и в обиду не даст.

Через неделю Крутиков узнал, что парня уволили. По пустячному поводу. Удалили шнурком.

Ну и ладно, сказали в мэрии, он не первый и не последний. Все давно знали, что их начальник — большой проказник. Это стало ясно, еще когда Пужаев впервые избрался мэром. В первый же день он объявил начальнику управления кадров: «Каждое утро ты должен приносить мне чью-то голову». Дороживший собственным скальпом кадровик все понял, и головы полетели. Это была не новая метла, а гильотина. Казнь могла настичь любого, и даже самые битые аппаратчики сказали: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Через полгода, однако, репрессии разом прекратились, городской голова стал приветлив и либерален, и чиновники постановили: все, кровушки напился, теперь можно жить. Но они не знали, что попали в сеть управленческой системы, которую их шеф создал еще в начале своей карьеры. Идея состояла в том, чтобы лишить всех без исключения подчиненных сна и

покоя. Вечная неуверенность должна разливаться в воздухе, поражая служащих нервно-паралитическими флюидами.

Прочитав в молодости книгу Владимира Богомолова «В августе сорок четвертого», он перенял метод старшего лейтенанта Таманцева. «Качание маятника» означало непрерывные обманные движения, дезорганизующие и вводящие в заблуждение противника. Творческое перенесение военных приемов на мирную с виду госслужбу вполне удалось.

Мэр мог прилюдно расхвалить подчиненного, даже превознести, но это означало лишь то, что строго в отмеренный срок человек будет столь же публично выпорот. Причем мера устрашения, как правило, превосходила меру поощрения. Аутодафе было изнурительно долгим, с краплениями матюгов и мучительными для казнимого паузами.

На вооружении градоначальника имелось много проверенных инструментов. Стравливание коллег и поощрение взаимных доносов. Приближение «к телу» и отторжение от оногo. Отрубание кошке хвоста по частям. Скажем честно: ничего нового для мировой теории и практики управления Пужаев не создал. Но фокус в том, что погоняемая его иезуитским хлыстом городская администрация работала организованно, точно и результативно. А сам мэр чувствовал себя спокойно и уверенно. Он был тем, кем и желал быть: полновластным хозяином.

Так бы все и продолжалось до бесконечности, если бы не прибыл новый губернатор Полетаевской области. И этот сюжет вполне можно считать экзотическим.

Пужаев уже двенадцать лет управлял городом, когда из самого центра пришло предписание. Нескольким областным и городским администрациям в порядке эксперимента поручалось сформировать молодежные правительства. Нужно было отобрать по конкурсу студентов-старшекурсников и распределить их дублерами глав отраслевых и территориальных структур. Цель двойная: провести кастинг будущих управленцев, а заодно припугнуть действующих руководителей дыханием в спину. Мэрия Полетаева была включена в адресный список.

Идея показалась Пужаеву занятой, он выпустил приказ о создании правительства дублеров, и через месяц в его кабинет привели три десятка молодых людей. Мэр поздравил их с победой в конкурсе и предложил взглянуть на систему городского управления незамыленным молодым глазом.

— Если мои бюрократы будут мешать, подайте мне сигнал, а я уж с ними разберусь, — сказал мэр в завершение. — Жду от вас полезную информацию и надеюсь, что наша многотрудная работа вызовет ваш интерес. Вполне возможно, кто-то из вас когда-то станет хозяином этого кабинета.

Пятикурсника с исторического факультета Полетаевского госуниверситета определили в департамент потребительских услуг, в ведении которого находилась прорва разных предприятий — от парикмахерских, бань и аптек до общепита, мелкорозничной торговли и кладбища. Дублер вдоль и поперек излазил структурные подразделения, вопросы задавал по большей части наивные и нелепые, поэтому опасений у руководства департамента не вызвал. А зря.

Когда по завершении эксперимента мэр собрал дублеров и предложил им высказаться, этот парень первым выскочил на трибуну и понес по кочкам потребительские услуги, а на директора департамента вывалил гору компромата. Зоркому Пужаеву стало ясно, что он обошел всех недовольных и обиженных, которые с наслаждением мстительно слили ему чернуху. Завершился доклад куда как эффектно: дублер предложил назначить себя директором департамента, патетично молвив: «Готов взять полную ответственность!»



Аудитория обалдела, и даже Федор Назарович на мгновение потерял дар речи. Он перевидал немало наглецов, но все они меркли на фоне этого выскочки. «Надо распорядиться, чтобы гаденыша на выстрел к мэрии не подпускали», — думал Пужаев, краем уха слушая других дублеров. Но тут же сам себя остановил. Интуиция, которая его почти никогда не подводила, подала обратный сигнал: не вздумай, его надо нежно слить куда-нибудь подальше. Можно в область. От него же за версту воняет опасностью.

На следующий день мэр позвонил заместителю губернатора области, курировавшему молодежную политику, и сказал, что у него на примете есть замечательный молодой человек — умный, активный, готовый лидер. «Я бы взял его к себе, — добавил мэр, — но в нашем муторном хозяйстве он зачахнет. А у тебя, наоборот, расцветет. Бери, не пожалеешь, и помни мою доброту».

Через полгода мэр узнал, что парень стал руководителем молодежного движения, устраивает разные патриотические акции, выступает то на площадях, то по местному ТВ. Словом,

растет как на дрожжах. Еще через год его забрали в самую Белокаменную, и Пужаев о нем благополучно забыл.

А спустя десять лет стало известно, что в Москве приняли добровольную отставку губернатора Полетаевской области. Возраст, здоровье, коррупция и все такое прочее. На смену ему едет молодой политик из президентского списка, уроженец здешних мест Гавриил Глебович Стременной. Тут Федора Назаровича будто током ударило: он вспомнил, что именно так звали наглеца-дублера.

Вскоре была назначена встреча Стременного с активом области. У парадного входа в здание областной администрации его ожидали чиновники высокого ранга, депутаты законодательного собрания и прочие уважаемые люди. Пужаев, разумеется, был среди них. К зданию подкатил лимузин, и мэр не сразу узнал вышедшую из него персону. Гавриил Глебович полысел, растолстел и поднабрался вальяжных манер, которые свидетельствовали о владении высоким искусством нести себя в массы.

После трехчасового совещания был фуршет, на котором мэр подошел поздравить Гавриила Глебовича. Тот приобнял Пужаева и сказал полушепотом: «Федор Назарович, а ведь это вам я обязан назначением. Вы же меня к себе не взяли. Технично сплывили». И градоначальник понял: мира не будет.

Так оно и вышло. Через полгода в области прошли выборы, Стременной победил с большим отрывом и начал выкручивать свою линию. Если прежний губернатор вполне довольствовался управлением областью и в городские дела не лез, то Гавриил Глебович сразу заявил, что сам по себе город Полетаев — это, конечно, важная, но все же только часть области, и, следовательно, находится в прямом подчинении областной администрации. Сигнал был яснее некуда.

Пужаев полетел в Москву, прошелся по старым связям, собрал сведения о Стременном. Ему, не сговариваясь, объяснили: чувачок скользкий, хитрый и совсем не дурак. Здесь он понравился, так что у вас, скорее всего, не засидится, поработает «на земле» и вернется в Белокаменную с большой перспективой. Но до того нагадить тебе может от души. Так что в клинч с ним лучше не входи, не ерпенься, он реально опасен, постарайся перетерпеть, авось образуется.

Мэр, скрепя сердце, внял совету. Он терпел, когда на совместном хозяйственном активе области и города Стременной вставлял шпильки руководству мэрии, когда вроде бы шутейно называл проект «Золотая ладья» потемкинской деревней, когда заводил баланду о том, что городу в ущерб области достается слишком жирный кусок бюджетного пирога и следует пересмотреть пропорцию. Пужаев сидел, надувшись, но спорить не лез, лишь повторял про себя: «Пыжься, малыш, посмотрим, кто кого пересидит».

И в разговоре с Юрием Кирилловичем он внезапно поймал мысль: а не губернатор ли затеял интригу с недострелом Крутикова? Дескать, в городе порядка нет, бандиты среди бела дня в руководителей шмаляют, куда смотрит мэр? С него, пожалуй, станется. И холод наполнил живот Федора Назаровича.

Приехав на работу, Крутиков почувствовал, что соскучился по своему кабинету. Это казенное помещение было отделано в позднесоветском стиле. Стены обшиты деревянными панелями, пол покрыт истертым дубовым паркетом, вдавленное сиденье массивного хозяйского стула демонстрировало знакомство с задницами предшественников. И все это Юрию Кирилловичу очень нравилось.

Его коллеги, становясь начальниками, первым делом меняли убранство своих кабинетов. Стиль хай-тек считался легкомысленным, ампир — слишком жеманным, постмодерн вообще не рассматривался. Руководители, желающие внушить уважение и трепет, предпочитали широкий письменный стол красного дерева, а также кресла и диван, обтянутые темно-зеленой кожей с золотыми заклепками. Некоторые устанавливали многоярусную библиотеку, где были

выстроены переплеты Брокгауза-Ефрона и иных раритетов, в которых хозяин не догадался разрезать страницы.

По стенам принято было развешивать свои фотографии в обнимку с министрами, депутатами и церковными иерархами, дабы подчеркнуть масштаб связей хозяина. Их могли дополнить дипломы и благодарственные письма в рамках, подписанные руководителями могучих ведомств.

Но у Юрия Кирилловича был свой взгляд на служебный дизайн. Кондовость обстановки казалась ему спартанской аскетичностью, присущей выдающимся историческим фигурам. Отсутствие настенной живописи, всяких шкафов и этажерок, где выставляют на обзор бестолковые подарки, а также вечнозеленых растений в горшках и кадучках выражало деловую целесообразность и сосредоточенность на главном направлении. А вот портреты федерального и регионального вождей над головой столоначальника подтверждали его государственные полномочия и намекали на причастность к высшему ордену. В красном углу можно было бы поставить государственный флаг, но Крутиков решил, что это уж слишком.

Кабинет почти физически внушал Юрию Кирилловичу ощущение власти, доставшейся от пращуров, однако в минуты бронзовения, посещающие любого руководителя, напоминал, что все начальники сменяемы, и зачастую вопреки собственной воле. Скольких шустрых ребят повидали эти стены, и где они теперь?

Не счесть случаев, когда кабинет становился бастионом, дающим отпор тем, кто явился требовать или качать права. А когда измотанный интригами противников хозяин приходил сюда зализывать раны, кабинет возвращал ему философское спокойствие: дескать, и это пройдет.

Крутиков сидел за столом, прислушиваясь, что скажет ему мудрейший Кабинет Кабинетч. И тот шепнул скрипучим голосом: «Парень, судьба подарила тебе вторую жизнь. Постарайся ее не профукать».

5

В дверь осторожно заглянула секретарша.

— Юрий Кириллович, уже час в приемной Антон Васильевич сидит, очень просит принять.

Крутиков вернул себя на землю и кивнул. В кабинет впорхнул его заместитель Дубликатов.

— Шеф, ну наконец-то! Как ваше бесценное?

— Антон Васильевич, давай без этого. Здоровье в порядке, спасибо зарядке. Рассказывай, как дела. Что с «Ладьей»?

А он молодец, думал Крутиков, слушая доклад Дубликатова. Всех на уши поставил. Изучив папку Смышляевой, где все проколы департамента благоустройства были разложены по полочкам, Юрий Кириллович задавал своему заму конкретные вопросы: что с организацией парковок? Что с детскими площадками? Как дела с озеленением? Надежно ли укрепили причал? И на каждый вопрос получал точный ответ.

Дубликатов, напугав одних подрядчиков и посулив привилегии другим, устроил на благоустройстве «Золотой ладьи» форменный аврал. Особенно он нахваливал компанию «Квартал комфорта». Крутиков давно заметил, что его зам исправно лоббирует эту контору, при каждом удобном случае отмечая деловые качества ее генерального директора Пескоструева. Без труда угадывая суть их неформальных отношений, Юрий Кириллович то ли из вредности, то ли из духа противоречия отдавал первенство двум другим фирмам — «Территория развития» и «Городская среда».

Выслушав заместителя, Крутиков похвалил его и отправил к новым трудовым свершениям, пообещав приехать на объект и лично все провентилировать.

Оставшись один, он взглянул на приставной столик, где стояло четыре телефонных аппарата: для прямого контакта с мэром, для соединения с руководителями отраслевых структур, обычный городской и местная «вертушка» для так называемой закрытой связи. Звонок Ларисе Егоровне нужно было обставить как-то особенно, и Крутиков задумался.

* * *

Если бы телефонная трубка могла говорить, сколько бы она рассказала о тонкостях аппаратного общения! Как булыжник — оружие пролетариата, так телефон — оружие бюрократа. Умение правильно пользоваться средством связи входит в реестр важных профессиональных навыков управленца.

Вот вам простой пример. Допустим, с вами, руководителем некой структуры, хочет переговорить другой руководитель, назовем его Мистер Икс. Казалось бы, всех дел-то: один набирает номер, другой снимает трубку. Но между вами находятся два посредника в виде секретарш. И вот его секретарша, получив указание, соединяется с вашей приемной, и ваша секретарша сообщает вам, кто желает с вами пообщаться. Если Мистер Икс выше вас чином-званием, вы тут же поднимете трубку, и его секретарша произнесет магическое: «Соединяю». Если же он ниже, ваша умная секретарша скажет: «Соединяйте», и только после того, как услышит голос Мистера Икс, подключит вас.

В нашем случае действовал другой вариант: на служебной лестнице Смышляева стояла на одной ступени с Крутиковым. В таких случаях вступает в силу перетягивание каната, точнее — телефонного шнура. По идее, если Мистер Икс звонит вам, значит, вы ему нужнее, чем он вам, и поэтому он подождет, когда ваша секретарша соединит вас с ним. Но хитрец хочет дать вам почувствовать, что он поглавнее будет, и потому строго-настроено приказывает своей секретарше включить его, когда вы уже скажете: «Слушаю». Но вас не проведешь, вы отлично знаете эти аппаратные штучки и тоже дали инструкции своей секретарше.

И вот две обученные дамы начинают разыгрывать партию. Ваша секретарша, понимая, куда гнет ее противница, говорит, что вы в данный момент общаетесь по другому телефону, и обещает немедленно перезвонить, как только вы освободитесь. В ответ слышит, что Мистер Икс с минуты на минуту уедет, и коллега готова подождать на трубке.

Сам же Мистер Икс, нутром чувствуя, как развиваются события, начинает заводится и обдумывать, чем он оплатит вам за эти финты. А вы уже в курсе, кто хочет с вами поговорить, потому что секретарша заглянула в дверь и шепнула, и вы подаете ей знак (мол, ты все понимаешь, действуй по схеме), но при этом тоже начинаете нервничать, поскольку Мистер Икс, как известно, мужик обидчивый и мстительный.

Но вечно так продолжаться не может, и не исключено, что Мистер Икс не выдержит, возьмет трубку и скажет вашей секретарше: «Милочка, попросите вашего шефа, очень важный разговор», и она с восторгом соединит вас, и вы запоете: «Дорогой друг, тысячу извинений, шеф меня по “вертушке” прессовал, теперь я целиком к вашим услугам». Поздравляю, ваша позиция имеет преимущество.

Однако не менее вероятно иное: быстро перебрав в уме проблемы, которые может устроить вам осерчавший коллега, вы смирите гордыню и, чертыхнувшись, поднимете трубку, а там скажут: «Соединяю», потом в телефоне зазвучит музыка, и пока она будет играть (а это зависит от того, сколь глубоко намерен опустить вас Мистер Икс), вы сто раз проклянете себя за малодушие (но повесить трубку уже нельзя, это будет вызовом, почти хамством), пока, наконец, не услышите: «Дорогой друг, простите ради бога, понимаю вашу нечеловеческую занятость...» Увы, эта партия не за вами.

Прокрутив в голове все эти алгоритмы, Крутиков избрал самый простой и остроумный прием. Он набрал по обычному городскому телефону приемную департамента жилья. На том конце сухим тоном отозвалась секретарша.

— Доброе утро, — разминая бархатистые мужские ноты, молвил Юрий Кириллович. — Это Крутиков беспокоит. Нельзя ли переговорить с Ларисой Егоровной? Если она не занята, конечно.

Прекрасно знавшая этикет секретарша обомлела. Крутиков тоже молчал, довольный своей выдумкой. Наконец трубка заверещала: «Да-да, конечно, извините, сейчас соединю!» И почти сразу послышалось знакомое низкое сопрано: «Юрий Кириллович, вы ли это? Что случилось, вас понизили? Отобрали секретаря? Опечатали приемную? Звоните из телефона-автомата?» И обе трубки захохотали.

* * *

Попросив его принять и получив согласие, Крутиков отправился к Смышляевой. Хозяйка вышла в приемную встретить гостя и велела секретарше ни с кем ее не соединять, что было проявлением высшей любезности. Потягивая кофе, они принялись болтать о всякой всячине. О самочувствии Юрия Кирилловича, об осточертевшей «Золотой ладье», о настроении Пужаева, о тех, кто у него в фаворе, и о тех, кто впал в немилость, о нарастающих терках мэра с губернатором...

Потом перешли на свежие киносериалы, на новость о том, что модный московский режиссер Кристиан Молибогов приглашен поставить в полетаевском драматическом театре аж самого «Гамлета», о наконец-то прекратившихся дождях и пришедшем тепле... Они чувствовали себя неожиданно легко, оба выключили мобильные телефоны. Но о чем бы ни заходила речь, каждый ловил себя на отвлеченных мыслях.

«Куда подевалась лицемерная аппаратчица?» — удивленно думал Крутиков. Где эта хитрая, расчетливая притвора, которая способна в мгновение ока обратиться в змею, прыжка которой не может поймать даже объектив фотоаппарата? Перед ним сидела обаятельная женщина, в которой он не обнаруживал ни тройного, ни даже двойного дна. Она весело поддерживала беседу и явно получала удовольствие, остроумно сплетничая о коллегах и самом градоначальнике. Своей откровенностью Лариса Егоровна как бы намекала, что она не опасается гостя, поскольку считает его приличным человеком.

Что касается Смышляевой, то она тоже с трудом скрывала удивление. В ее прежнем понимании Крутиков был заурядным служакой, косящим под простачка. Всем своим видом он посылал сигнал: я черная кость, пахарь, денно и ночно вкалываю в поле. Как ни взгляни, безликий, серый дядька.

Он, кстати, и рядился во все серое. Зимой — темно-серый, летом — светло-серый, но в любое время года скверно поглаженный костюм. Слишком короткие рукава пиджака, слишком длинные брюки, гармошкой сползающие на черные ботинки с давно устаревшими квадратными носами. Рубашка не меняется в течение двух-трех дней. Три галстука на все случаи жизни, с узлом, завязанным раз и навсегда. Тот еще франт.

Однако на сей раз острый глаз Ларисы Егоровны обнаружил несоответствие привычному образу. Костюм был серый, но из дорогой ткани и отлично сидел. Из рукавов на полтора сантиметра выступали белоснежные манжеты с неброскими, но явно дорогими запонками. Бордовые носки перекликались с бордовым галстуком, повязанным виндзорским узлом и спускающимся точно до пряжки черного поясного ремня. Который, в свой черед, передавал привет черному кожаному ремешку часов и черным же элегантно закругленным и начищенным до блеска (или просто надетым впервые) туфлям. В придачу от Крутикова исходило амбре с нотками мускатного ореха и пачулей. «Он что, решил меня закадрить?» — подумала Смышляева и спросила:

— Юрий Кириллович, можно интимный вопрос? Почему вы одеваетесь в серые цвета?

— Все по классике, Лариса Егоровна. Знаете правило Талейрана? Чтобы преуспеть, чиновник должен держаться в тени, не проявлять инициативы и одеваться во все серое. Так что стремлюсь к идеалу.

Они посмеялись и продолжили беседу. Смышляева с интересом разглядывала мужчину, не лишенного чуть грубоватого шарма, но с хорошими манерами и отчетливой самоиронией, знающего себе цену, но не выставяющего ее на прилавок. Создавалось ощущение, что человек обладает запасом достойных качеств, которые еще не пришло время извлечь на свет. Это интриговало.

На мгновение в оживленном разговоре возникла пауза, и оба поняли, что для первого раза хватит. Гость откланялся, но в дверях спросил:

— Лариса Егоровна, вы любите играть? Нет, не в карты. Слышали про игру под названием «Одну минуточку!»? Тогда освободите, пожалуйста, завтрашний вечер. Вам точно понравится. На том и разошлись.

6

Предложенная Крутиковым игра была, собственно, не чем иным, как репликой телешоу «Что, где, когда». Интеллектуальная забава уже давно разошлась по градам и весям; обычно она именовалась «Шестьдесят секунд», но тот, кто взрастил игру на полетаевской почве, придумал название получше: «Одну минуточку!».

Этим человеком был ведущий местной радиостанции Модест Барабанщиков. Сначала он зазывал любителей головоломок в недорогой бар, разбивал их на три-четыре команды, задавал вопросы, отобранные из кладовой интернета, и премировал победителей пивом со шпикачками. Первое время мероприятие было скромным, камерным, но сарафанное радио сделало свое дело, и народ пошел.

Спустя всего год «Одну минуточку!» превратилось в светскую тусовку. Барабанщиков зарегистрировал товарный знак, открыл ИП и придал делу общегородской размах. Шоу переместилось в модный дорогой ресторан, где гостей обносили достойными напитками и изысканными закусками. За пятнадцатью большими круглыми столами сидели команды по десять человек, так что участников, нетрудно сосчитать, было полторы сотни. Публика приходила разномастная, хотя высокая стоимость билетов отсекала малоимущих.

Креативный талант Модеста слегка видоизменил опознавательные фишки культовой телеигры. Вместо закадрового ведущего на авансцене блистал сам Барабанщиков в расшитом серебром смокинге. Роль совы перешла к его любимцу — дымчатому коту-британцу, который сидел тут же с короной на голове. Позывным остался фрагмент арии Германа из «Пиковой дамы» с единственным измененным словом: «Что наша жизнь? Фигня!»

Когда Смышляева поинтересовалась дресс-кодом, Крутиков пояснил, что тяжелый люкс не обязателен, но элегантность приветствуется. Лариса Егоровна вышла из служебного автомобиля в бирюзовом брючном наряде, отлично сочетающемся как с распущенными рыжими волосами, так и с костюмом цвета слоновой кости, в который облачился встретивший ее Юрий Кириллович. Они щелкнули друг по другу взглядом и, вполне довольные, проследовали в зал.

Общество оказалось приятным, в него вписывались и стар, и мал. Крутиков был тут своим человеком, с ним уважительно здоровались, перешучивались, не забывая отпускать комплименты его спутнице. Подошел Модест, приобнял Юрия Кирилловича, церемонно поцеловал руку Ларисе Егоровне и проводил гостей за стол, где уже сидели другие игроки. Состав команд почти не менялся, и у каждой было свое название. Банда Крутикова называлась «Человечки дождя».

Для каждой игры Барабанщиков назначал тему и подбирал соответствующие вопросы. На этот раз выведенный на экран кот промурлыкал голосом Матроскина: «Эх, хорошо в стране советской жить!» Прозвучал гонг, и последовал первый вопрос.

— Американский прозаик Джон Рид написал хвалебную книгу о революционной России. В благодарность Ленин предоставил ему право регистрировать браки. Писатель ответил фразой из четырех слов. Каких именно?

— «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — шепнул Крутиков, чтобы не слышали соседние столы. Бумажку с таким ответом передали ассистенту ведущего — и попали в точку. Лариса Егоровна стрельнула в Юрия Кирилловича масляным взглядом.

Далее пошли вопросы о членах Политбюро ЦК КПСС, об Олимпиаде-80, о Любимове и его Таганке, о Кубинском кризисе, об автомобиле «Москвич», о модном доме Зайцева... Тема игры отсылала ко временам, которые чуть ли не половина игроков застала в детском возрасте. Тем не менее и молодежные столы часто давали верные ответы, чему громогласно радовались.

— Откуда они это знают? В айфоны, что ли, подглядывают? — спросила Смышляева в перерыве. Они с Крутиковым заказали по коктейлю и вполуха слушали, как спонсоры игры расхваливают свои товары и услуги. — Или этот Барабанщиков им подыгрывает?

— Исключено, — замотал головой Юрий Кириллович. — За айфоны Модест выгоняет с волчьим билетом. А подсказывать стремно, его другие команды сожрут, если узнают. Просто молодежь постоянно тренируется, штудирует Сеть. Это мы только на свою память надеемся и на IQ.

Игра шла к концу. Модест огласил последний вопрос:

— Хосе Рауля Капабланку спросили, мог бы Ленин стать чемпионом мира по шахматам. «Да, — ответил знаменитый гроссмейстер, — но только если внести в правила одно изменение». Назовите, какое.

— Черные фигуры сделать красными! — вскочив с места, выкрикнула Смышляева. Крутиков разинул рот. Зал ахнул и взорвался овацией.

Они попрощались и разъехались по домам. Настроение у обоих было прекрасное. Крутиков сидел на лавочке во дворе и смаковал известную мудрость о том, что предвкушение слаще обладания. Возможно, чтобы вновь ощутить томление сердца, стоило оказаться между жизнью и смертью. Освобождая человека от страха близкой кончины, судьба награждает его пьянящим ожиданием нового. Скорее всего, оно не будет долгим, все снова войдет в привычку, но тем более надо улавливать, ценить и, сколько сможешь, не отпускать настрой, при котором воспринимаешь самого себя как источник собственного вдохновения. Именно это переживал сейчас Юрий Кириллович, витая в романтических высях.



В этом месте, предвзяв дальнейший ход событий, автор просит минутку на короткое отступление. Легко описать чьи-то действия, труднее описать мысли, а вот описать чувства так, чтобы захватило читателя, — задача чрезвычайной сложности. Иной раз хочется ново, свежо, необычно поведать, к примеру, о том, как возникает любовь, но стоит представить, сколько сочинителей, которые не тебе чета, уже сделали это, — перо выпадает из рук, у клавиатуры заедают клавиши.

В поисках совета я обратился к искусственному интеллекту. Послал ему запрос про чувственную прозу. Он посоветовал побольше внимания уделить описанию звуков, запахов, вкусов, цветов. Нужно на максимум включить фантазию, чтобы читатель «почувствовал кожей» — именно так выразился ИИ. Еще он рекомендовал «растягивать время», уделяя внимание деталям: взглядам, прикосновениям, паузам; это усилит чувственное восприятие. Важно также

помнить о музыкальности языка — звучании фраз, ритме и плавности речи; текст «должен петь». Ну и, само собой, необходимо присутствие эротических или интимных сцен, «но написанных с эстетическим вкусом, а не с целью шокировать». Далее перечислялись образцы чувственной прозы, и первой в списке была «Лолита».

Ощувив мое разочарование, искусственный интеллект начал вбрасывать афоризмы. Один из них, приписанный Жан-Полю Сартру, зацепил: «Любовь начинается с удивления». И сразу стало ясно, что должно стать толчком для развития сюжета. Конечно же, удивление! Как я сам не догадался...

* * *

Однако вернемся к действию. Пока Крутиков философствовал под звездами, Лариса Егоровна, согласно гламурному обряду, улеглась в ванну с обильной пеной, поставила рядом бутылку розового шампанского, зажгла ароматическую свечу и разомлела. «Замутить с ним, что ли?» — задала она себе вопрос, хотя уже знала ответ, и он был утвердительным. Единственное, что ее смущало, это общее место работы. Служебных романов Смышляева избегала, они таили в себе как предсказуемые, так и неожиданные риски. Недавно она испытала сильное головокружение и чуть было не слетела с катушек. Спасибо милостивой судьбе, которая разрулила коллизию и помогла сохранить равновесие.

Дело было так. На нарастающую критику от губернатора Стременного мэр Пужаев решил ответить мощным залпом пиара. Пресс-секретарь по фамилии Публицистов предложил запустить на местном телеканале еженедельную программу: жители в прямом эфире задают градоначальнику наболевшие вопросы (естественно, подготовленные), тот либо отвечает сам, демонстрируя исчерпывающую компетентность, либо требует к ответу ответственного руководителя и в режиме онлайн устраивает ему разнос. Идея была одобрена, но для ее успешного воплощения требовался сильный ведущий. Публицистов пообещал найти такого в Москве: в конце концов, не все там звезды прайм-тайма, кто-то и без дела томится.

Без дела томился Кавалеров. Некогда он работал комментатором на центральном канале, но внезапно исчез с экрана. По слухам, явился на прямой эфир в сильном подпитии и угробил программу с вице-спикером Госдумы, за что был изгнан вон и с тех пор пребывал в качестве джентльмена в поисках десятки, как выражался Остап Бендер. Однако физиономия его, которую некогда знала вся страна, сильно измениться не успела и могла придать полетаевскому ТВ более респектабельный статус.

Кавалерова привезли к Пужаеву, который с ходу пообещал хорошие деньги, стометровую квартиру и полный набор социальных благ. Столичный гость для вида поломался, но, получив дополнительный бонус в виде земельного надела у реки, дал согласие.

Первым делом он придумал название передачи: «Полет над Полетаевом». Затем Кавалеров поработал с мэром, объяснив ему, что много говорить не надо, ибо слово царя должно звучать «во дни торжеств и бед народных», а общественное звучание передачи обеспечит ведущий. Мысль насчет царя Федору Назаровичу понравилась.

Передача пошла. Истосковавшийся по эфиру Кавалеров блистал, как в лучшие годы. Горожане потянулись к экранам. Публицистов доложил мэру, что рейтинг программы неуклонно растет, хотя чем он его измерял, не объяснил.

Довольный мэр дал команду Смышляевой: подобрать для телезвезды квартиру из стратегического запаса. Лариса Егоровна встретила с Кавалеровым и предложила пентхаус в строящемся доме на набережной. Они съездили на место, московский гастролер остался доволен и согласился подождать до сдачи дома. А вот ждать следующей встречи со Смышляевой он не желал — и предложил тем же вечером отужинать на кораблике. Несколько лет назад Пужа-

ева во время парижской командировки прокатили по Сене в плавучем ресторане, и он был настолько впечатлен, что тут же перенял опыт.

Смышляева согласилась, и водно-гастрономический тур удался на славу. Еда была утонченной, пейзажи за бортом — живописными, живая музыка ласкала слух, и Кавалеров, положивший глаз на Ларису Егоровну, включил светского льва. Несмотря на полосу неудач, он сохранил столичный лоск, одевался с аристократической небрежностью, развлекал даму веселыми, а иногда и злыми, сплетнями из жизни звезд. Правда, Смышляеву слегка коробила его манера к месту и не к месту ставить себя рядом со знаменитостями. «Однажды мы с Кобзоном, царствие ему небесное...», «Заехал я как-то к Володе Потанину», «Слава Фетисов зазвал меня на хоккей», — такое амигошонство могло произвести впечатление на провинциальную дурочку, каковой Лариса Егоровна ни в коей мере не была.

Кавалеров ухаживал красиво, не назойливо, но настойчиво. Смышляевой, что греха таить, это льстило, и в один прекрасный вечер она решилась и приехала в отель, где мэрия снимала для телеведущего трехкомнатный люкс.

Прошло месяца три, и передача «Полет над Полетаевом» стала меняться. То есть схема оставалась прежней, но акценты сместились, и уже не мэр Пужаев был верховным жрецом. Он превратился в статиста, главную же роль присвоил звездный Кавалеров, и теперь он, а вовсе не градоначальник, успокаивал обеспокоенных жителей и покрикивал на нерадивых чиновников.

Такая перемена не осталась незамеченной. Мэру нашептывали, что столичная штучка хоронит его авторитет. Публицистов попытался повлиять на Кавалерова, но тот только глянул на него, как солдат на вошь, и заискрил пуще прежнего. В итоге дошло до того, что губернатор Гавриил Глебович, посмотрев передачу, позвонил городскому голове: «Федор Назарович, простите великодушно, я что-то не понял, кто управляет городом — вы или этот московский перец? Может, вам поменяться местами?» И повесил трубку, оставив Пужаева наедине с очевидной мыслью: «В Москву настучит, сука».

И тогда пресс-секретарь, умевший читать мысли шефа, нашел выход: перед эфиром накачал Кавалерова до такой степени, что даже телезрители почувствовали, как от их экранов разит коньяком. Увольнение было стремительным. Квартиру и землю оформить на Кавалерова не успели, так что обошлось без потерь.

Он звал Ларису Егоровну с собой в Москву, но она отказалась, вознеся хвалу небесам за то, что их отношения не вылезли наружу. Головокружение у нее прошло, чему причиной было самолюбование Кавалерова, далеко не всегда имевшее основания. К примеру, в постели он был тем, кого называют скорострелкой, и после краткосрочной близости начинал рассказывать, какую телеведущую или дикторшу в какой позиции он пользовал прямо в Останкино. Понятно, что чувственной и одновременно брезгливой Смышляевой все это энтузиазма не добавляло. В общем, они простились, и Лариса Егоровна с облегчением придушила остатки романтических эмоций и зареклась от амуров по месту службы.

Однако, как всем известно, никогда не говори «никогда».

7

Не сговариваясь, Крутиков и Смышляева затеяли игру в закрытую связь. Им нравилось, сидя на совещаниях у мэра, посылать друг другу сигналы уголками губ. Нравилось прилюдно троллиться: «Говорят, скоро будете новые апартаменты раздавать, Лариса Егоровна?» — «Буду, Юрий Кириллович, когда вы во дворе шлагбаум поставите и газон разобьете». Они скучали друг по другу, по надуманным поводам перезванивались по «вертушке», которую, как считают наивные люди, никто не прослушивает.

Оба были людьми зрелыми и, предчувствуя нечто большее, чем простенький флирт, не торопили события. Раз в неделю они ужинали в незаметном ресторанчике, куда не ступала

нога полетаевских вигов, с интересом зондировали друг друга и удивлялись тому, насколько же они разные.

Оба были одиночками, но к этому статусу каждый пришел своим путем. Крутиков не был записным ходоком, совсем наоборот, — как только он изменял жене, тут же каялся, уходил из дома с нательным бельем и вел под венец ту, с которой впал в грех. Так повторилось трижды, четвертая избранница ему отказала в брачных отношениях, но он вместо огорчения неожиданно испытал прилив радости и в первый год свободы успешно совмещал ЗОЖ и кутеж. А утомившись, сосредоточился на карьере.

При этом у Юрия Кирилловича выросли двое сыновей — от первой и третьей жен. Смышляева же детей не имела и не хотела. Она и замужем ни разу не была, хотя, в отличие от Крутикова, молодые годы посвятила многочисленным романам, интрижкам и случайным связям. Несколько опытов проживания под одной крышей крепко отбили ей желание вступить в супружество. Максимум того, на что она была согласна, — гостевой брак.

Одинокость их совсем не угнетала, каждый воспринимал ее легко, даже с удовольствием. «Одиночество — тоже компания», — говорил Крутиков. «Не одиночество, а уединение», — вторила ему Смышляева. При этом многие их привычки диаметрально различались.

Она была фанаткой астрологии и, даже отбирая сотрудников для своего департамента, в первую очередь смотрела не на деловые качества и опыт, а на знак зодиака. Что уж говорить о выборе мужчин! Кстати, сразу после визита Крутикова Лариса Егоровна выяснила, что его знак Рыбы прекрасно сочетается с ее Тельцом, обещая союз романтики и стабильности.

Он считал астрологию чушью и высмеивал химеру насчет кирпича, который просто так на голову не свалится. Еще как свалится! Хотя, если бы он поинтересовался, то узнал бы, что все три его жены по звездному каталогу ему совершенно не подходили.

Крутиков был бытовым педантом: уходя, всегда заправлял постель, развешивал одежду в шкафу по цветам, еду укладывал в пластиковые контейнеры, которые по категориям — завтрак, обед, ужин — расставлял в холодильнике. По собственному опыту он знал, что стоит оставить невымытую чашку, как рядом с ней моментально образуется гора грязной посуды. Или если не убрать носки в корзину для белья, вокруг них тут же соберется гора тряпок. Этому природному явлению нет объяснения, но оно существует.

Смышляева неряхой не была, но в ее представления об уюте вполне укладывалась милая женская безалаберность. Она могла разложить по квартире наряды, туфли и сумки, выбирая подходящий комплект, и неделю их не убирать. Но поскольку и вещи, и само убранство жилища Ларисы Егоровны были красивы, яркие, отличались несомненным вкусом, этот беспорядок казался эстетически осмысленным.

Он любил тишину в доме, а она, едва войдя в квартиру, врубала музыку на полную громкость... Словом, многое, очень многое разделяло Смышляеву и Крутикова, и это касалось не только личной сферы, но даже стиля управления, который каждый выработал по своим лекалам.

* * *

Для руководителя главное не знания и опыт, а сильный характер. Эту фразу на старте карьеры Смышляева услышала от своей начальницы. Силу характера та накачивала и демонстрировала своим сотрудникам посредством натиска, агрессии и хамства.

Лариса Егоровна, в ту пору просто Лара, с ужасом наблюдала, как директорша департамента жилья орала матом на взрослых мужчин, и те терпели. Как-то нашелся храбрец, который огрызнулся и швырнул заявление об уходе, так она увела его в кабинет, наедине уговорила остаться, слегка повысила и впредь лупцевала пуще прежнего. А однажды — Смышляева отлично помнила тот случай — не отпустила с пустяшного совещания сотрудника, которому

нужно было в больницу к умирающей жене. Она знала, куда он отпрашивается, и все это знали. Но маска злодейки приросла.

Ради того, чтобы подмять подчиненных, начальница истребила в себе главную женскую мотивацию — желание нравиться. Она не нравилась даже себе, но и это ей было безразлично.

Лара, сменившая ушедшую на пенсию директоршу и ставшая Ларисой Егоровной, душить женское начало не собиралась. Ее гербом мог бы стать усыпанный розами танк. Она умела расхвалить подчиненных, даже польстить им, если того требовали обстоятельства, и те пахали на нее с удовольствием, предвкушая награду, которую всегда получали. При этом Смышляева обладала талантом преподнести поощрительную безделушку с той помпой, с какой дарят ключи от райских врат. Ей доверяли, ей симпатизировали, ею дорожили, ее даже любили, если можно чувство к руководителю назвать любовью, и она заливала это топливо в бензобак того самого танка, который тащил ее вперед и выше.

Стиль руководства Ларисы Егоровны позволял сотрудникам общаться с ней как с истинной женщиной: пытаться разжалобить, оправдаться, упросить и, наконец, попросту навешать на уши лапшу. И она, понимая эти штучки, иногда позволяла обставить себя. Но только по мелочам. При первой же попытке заместителя сесть на шею она при всех показала ему танковый ствол. Присутствующие поняли, и броня мгновенно скрылась под гирляндами цветов. Смышляевой не нужны были страх и озлобленность окружающих, ей требовалась их лояльность.

Она трезво отдавала себе отчет в том, что, единожды ступив на руководящее поле, где пасутся мужские стада, лишила себя права хоть в чем-то оказаться слабее. Тема тяжелой женской доли в аппаратных играх не прокатывала.

С креслом меняются убеждения. Эту истину Крутиков постиг на собственном опыте. Хорошо начальникам, пришедшим со стороны: установил свои правила — и будьте любезны исполнять. Сложнее тем, кто, как говорится, решил воспитать Бабу-ягу в своем коллективе. Когда Юрия Кирилловича назначили директором департамента, в котором к тому времени протрубил на разных должностях восемь лет, он начал управлять «мягкой лапой» — без нажима, демократично и либерально, надеясь на усердие хорошо знакомых коллег. Но вскоре убедился, что взаимопонимания не получается. Зная мирный нрав руководителя, его не страшились, работали вяло, для вида. Департамент на глазах стал сдуваться, и не склонные к церемониям вышестоящие товарищи устроили Крутикову разнос.

Как только под ним качнулось кресло, Юрий Кириллович, ополчась на неблагодарных сослуживцев, начал огнем и мечом наводить порядок. Всегда дороживший расположением коллег, теперь он осознанно применял тактику устрашения, ломал их об колено. Это было очень трудно, противилась мягкая натура, мешал незлобивый характер. Крутиков не был волкодав по крови — он лишь играл роль зверя, причем играл неплохо. Продуманно и планомерно, используя все богатство административных приемов, он возвышался над подчиненными. И это сработало, дела быстро пошли на лад.

* * *

Так они, каждый по-своему, но одинаково успешно, руководили своими структурами. Будучи управленцами техническими и изобретательными, щелкали служебные проблемы зачехленную на голом автоматизме. Но изредка возникали ситуации из ряда вон.

Однажды Смышляева пришла на их ужин с заплаканными глазами. На расспросы Крутикова долго не отвечала, но он все же вытянул из нее историю.

Полгода назад на прием к Ларисе Егоровне записался офицер, участник боевых действий со множеством наград. Просил выделить ему бесплатно из муниципального фонда одноком-

натную квартиру, и как можно скорее. Он проживал в изношенном панельном доме, в маленькой двушке вместе с женой, дочерью, ее мужем и их маленьким сыном.

Лариса Егоровна со всеми подробностями и ссылками на законы объяснила, что не может помочь. В семье просителя на одного человека приходилось совсем немного, буквально на половину квадратного метра, больше, чем требовалось для получения бесплатного жилья. Имевшихся офицерских льгот тоже не хватало, денег на покупку квартиры не было. Мужчина все выслушал, но не уходил. Ларисе Егоровне нравился этот человек, она чувствовала, что он чего-то недоговаривает, и вызнала-таки правду.

Во время чеченской войны у него было осколочное ранение в горло. Операция не помогла, так он с этим осколком и жил. Но все до поры. С годами состояние резко ухудшилось, начались страшные боли в горле.

— Мне осталось не больше полугода, — спокойно объяснил офицер. — И я не хочу умирать в муках на глазах своих близких. Поэтому и прошу квартиру. Любую, хоть каморку. После моей смерти можете ее забрать.

И Смышляева решила помочь. Она устроила офицеру быстрый развод, затем, хитроумно обойдя рогатки нормативов, а где-то даже нарушив законодательство и слегка нахимичив с документами, оформила ему однокомнатную квартиру. А по прошествии полугода плакала на его похоронах, с которых и приехала к Крутикову.

— Но вы же понимали риски, — не столько спросил, сколько констатировал Юрий Кириллович.

— Все я понимала, — ответила Лариса Егоровна, промокнув глаза. — Понимала и наплевала. Зато квартира теперь по наследству отойдет его дочери с семьей. А мне ведь и задним числом может прилететь, если... Ну, например, если кто-то наступит.

— Намек понятен, — сощурился Крутиков. — Что ж, премного благодарен. Во-первых, за доверие. А во-вторых, за обнародование преступной схемы получения жилья.

...Вы не забыли об удивлении как первоисточнике любви? Уже не в первый раз Смышляева удивила Крутикова. И даже сверх того:

Юрий Кириллович испытал чувство восхищения.

8

Меж тем во второе воскресенье июня, в День города, как и обещал жителям мэр Пужаев, состоялось открытие «Золотой ладьи». Событие было обставлено со всей возможной пышностью. Губернатор и мэр под гимн стольного града Полетаева в исполнении детского хора и духового оркестра перерезали ленточку. Затем всех желающих пригласили осмотреть новый жилой комплекс и попользоваться его благами.

Довольный Крутиков наблюдал, как дети возятся в разноцветных песочницах и летают на качелях, молодые пары обнимаются среди густых зарослей парка, пожилые люди степенно прогуливаются по расчерченным, будто по линейке, пешеходным дорожкам, а на лодочной станции выстроились желающие прокатиться на катерах, стилизованных под старорусские ладьи. Аврал, организованный департаментом благоустройства, дал отличный результат. Можно было выдохнуть и сказать: «Фу, пронесло».

А вскоре Федор Назарович объявил, что делегации мэрии предстоит турне в областной центр, расположенный в трехстах километрах от Полетаева. Город носил духоподъемное имя Перезвон и готовился отметить 350-летие со дня основания. Он был старше Полетаева на полвека, но размерами поскромнее. Власти двух городов немножко пыжились друг перед другом, слегка постукивали на соседа в центр, выпрашивая бюджеты и льготы, но внешне демонстрировали взаимное расположение и наносили визиты по знаменательным поводам.

Собственно, программа таких визитов была отработана и перемен не требовала. Утром представительная делегация, в которую по праву были включены Лариса Егоровна и Юрий Кириллович, высадились на вокзале Перезвона, где руководители родственных структур радостно обнялись и отправились обмениваться опытом. А именно — совершили не особо познавательную, но зато весьма приятную теплоходную прогулку, угощаясь местными деликатесами.

Те, кому было можно, начали злоупотреблять уже за завтраком. Но можно было не всем. Крутикову, к примеру, нельзя. Потому что к четырем часам пополудни ему предстояло облачиться в футбольную форму с полетаевским гербом на груди и цифрой 8 на спине и два тайма по сорок пять минут отбегать по газону местного стадиона. Товарищеский футбольный матч между мэриями Полетаева и Перезвона считался обязательной частью программы.

Если вы обратили внимание, спортивные клубы, куда входят служащие министерств и правительств, мэрий и всевозможных администраций, уже давно стали признаком ведомственной зрелости. Воля ваша, есть какой-то изъян в госструктуре, не имеющей своего клуба. Можно состязаться в городки, шахматы, гольф, хоккей на траве, хоть в салочки, — но настоящие мужчины, достойные государственной службы, играют в футбол. И не в теплом сухом спортзале, а на открытом поле при любой погоде.

Именно по такому высокому стандарту был устроен футбольный клуб мэрии Полетаева. Тренировочные игры проходили дважды в неделю: один раз — ранним утром, до работы, другой — в субботу. Мэр строго выдерживал этот график, он был фанатом футбола, в молодости неплохо играл. К своим годам, конечно, отяжелел, по полю больше ходил, чем бегал, но при случае еще мог припечатать и мяч, и противника, что называется, от души.

В клуб входили работники мэрии и законодательного собрания города. Лучшие игроки составляли сборную, которая участвовала в любительских турнирах и билась с областной администрацией, местным Сбером, сборной артистов драмы и шоу-бизнеса, командой газетных и телевизионных журналистов. Победителям вручали кубок, на шею вешали медали, все было по-взрослому. Эти спортивные игры, в отличие от игр деловых, проходили честно. Договорами исключались, о подкупе и тем более запугивании судей никто не помышлял.

Крутиков был одним из лучших игроков сборной, в юности ему вообще светила профессиональная футбольная карьера, но умные люди объяснили, что там, конечно, можно заработать деньги и известность, но есть равные шансы получить увечье и, потеряв золотые годы, не добиться ни черта. Аргумент сработал, и Юрий Кириллович, как говорится, повесил бутсы на гвоздь. Однако с коллегами играл в обязательном порядке.

Да и могло ли быть иначе, если это не только игра, но еще и работа. И даже в первую очередь — работа. Важная, ответственная, травмоопасная. Тут идет рубка за должностное повышение, за расширение служебных полномочий, за финансирование крупного проекта, за снятие ранее наложенного взыскания... Это ли не трофеи!

Тут можно и нужно выстраивать комбинационные отношения со старшими. Нюансов много, вот вам некоторые из них. Если босс играет в одной команде с вами, при первой возможности передавайте ему мяч. Если вы вышли к воротам соперника, не бейте сразу — подождите, пока добежит руководитель, и мягко отпасуйте ему под удар. Это ценится высоко.

Если играете против босса, скажем, на позиции защитника, можно якобы попасться на финт начальника или уступить ему в скорости. В такой ситуации полезно воскликнуть вслед: «Что он творит!» Обычно запоминается.

Если же вы вратарь в команде противников, рекомендуется сначала переловить все, что летит, чтобы в момент, когда по воротам ударит начальник, а вы мудро прыгнете в другой угол, забивающий получил истинное наслаждение. Советую закончить эпизод репликой «Такие мячи не берутся». Это будет грамотный ход.

Надо к тому же помнить, что помимо босса по полю бегают другие достойные и влиятельные люди. Они тоже любят обводить и забивать, и в твоих силах помочь им или помешать. Так что аппаратный футбол хоть и любительское занятие, но преуспевают в нем лишь искусные профессионалы.

А после матча начинается особо важный ритуал. В раздевалке ответственные работники, снявши трусы и бутсы, проводят переговоры; намыливаясь под душем, рассматривают кадровые передвижки; просохнув и вкусив чайку с лимоном, подписывают распоряжения и сметы.

По вышеназванным причинам Юрий Кириллович никогда не пропускал игры, даже с большого бодуна выползал на поле. Мэр его прощал и ценил, он знал, что в нужный момент Крутиков выйдет в основном составе на позицию центрального полузащитника и покажет себя как надо.

* * *

Трибуны стадиона были заполнены болельщиками, которые исполняли бодрящие кричалки и попивали пивасик. Матч шел к концу, счет держался ничейным — 2:2. Полетаевцы играли лучше, давили что было сил, но на пути мяча то и дело вставал вратарь хозяев. Этот невысокий плешивый мужичок ничем не напоминал статных голкиперов, но в его игре читались абсолютное бесстрашие и злость. Прыгучий и цепкий, он корчил жуткие рожи и орал на своих защитников.

«Вылитая обезьяна», — окрестил его про себя Крутиков. «Кем у вас вратарь работает?» — спросил он защитника перезвонцев. «Заместителем прокурора, — рассмеявшись, ответил тот. — Не вздумай забить, посадит. Сам видишь, руки у него длинные».

Перед игрой, бинтуя не до конца заживший бок, Юрий Кириллович внушал себе: не нарывайся, уходи от стыков, не стелись в подкатах, будь осторожен, рана может открыться. В общем-то, он так и делал. Но минут за десять до финального свистка глянул на трибуну, где сидела делегация полетаевцев, и ощутил прилив боевого азарта. Он знал, для кого играет.

Крутиков получил мяч и, не глядя на партнеров, рванул напролом в штрафную площадку. Проскочил между двумя защитниками, финтом обвел третьего, переложил мяч под правую ногу, но ударить не успел, потому что получил сильный толчок в спину. Еще кувыркаясь по траве, он услышал свисток судьи и понял, что заработал пенальти.

Штатным пенальтистом у полетаевцев был, естественно, мэр. Пужаев установил мяч на одиннадцатиметровой отметке, посмотрел на вратаря. Тот не подпрыгивал и не размахивал руками, путая бьющего, а спокойно стоял в центре ворот, вперив злобный взгляд в капитана противников. И Федор Назарович дрогнул. «Юра, — позвал он Крутикова. — Бей ты». Вратарь рассмеялся.

«Промажь! Промажь!» — скандировали фанаты перезвонцев. Крутиков думал. Он помнил, как красиво пробил пенальти на чемпионате Европы чехословацкий футболист Антонин Паненка. Разбегаясь, он не сводил глаз с вратаря, и когда тот, пытаясь угадать направление удара, прыгнул в угол, тихонько подсек кончиком стопы мяч, который, описав дугу, спарашютил в опустевший центр ворот. Этот прием футбольный мир окрестил фамилией исполнителя.

При всей своей эффектности «паненка» таила немалый риск. Ведь если вратарь не сдвинется с места, мяч прилетит ему прямо в руки, и бьющий игрок станет посмешищем. В любом другом случае Крутиков не решился бы на этот фортель, но тут он почувствовал зов судьбы. И все рассчитал точно: дождался движения голкипера и мягко пустил мяч в середину ворот. Заместитель прокурора, все поняв, попытался переложить корпус, замахал руками, но поздно: мяч мягко опустился в сетку.

Стадион разом стих, зато радостно заголосила компания полетаевцев. И Крутиков, уподобившись звездам мирового футбола, подкатился к ним на коленях и лихо козырнул. Размахивающая руками Смышляева поняла, кому именно.

* * *

Тем же вечером перезвонские чиновники повели гостей в ночной клуб. Посмеявшись над хохмами стендаперов, подпев исполнителям голливудских хитов и восхитившись акробатическим номером местного «Дю Солея», а также вкусив в достаточном объеме искусно приготовленных коктейлей, все размякли.

И тут раздался нарастающий стук барабанов, разных бонго и конго, зашуршали маракасы и кахоны, пружинистый ритм наполнил зал. На танцпол выбежала дюжина девиц в расшитых стразами бикини и страусиных перьях. По ушам хлестнул визг духовых инструментов, с ним переплелись синкопированные гитарные рифы, и откуда-то из-под потолка слетел на тропе роскошный чернокожий самец в сверкающих ожерельях и браслетах.

Юрий Кириллович слабо разбирался в латиноамериканских танцах, он слышал названия, но не понял, что именно началось — сальса, меренге или какая-нибудь кезомба. В любом случае зрелище было завораживающим. Танцоры объяснялись меж собой таинственным языком, в котором слова заменяются магией тела и взгляда. В перекрестье разноцветных лучей клубилась энергия страсти и свободы.

Внезапно черный мачо, крутя бедрами, подплыл к гостям и протянул руку Смышляевой: «Сеньорита, вы позволите?» Лариса Егоровна неспешно отставила бокал и улыбнулась: «Охотно. Хотя я давно уже сеньора». Гости засмеялись и заплодировали, дама подала красавчику руку и вышла с ним на танцпол.

Зазвучала эротическая музыка. «Бачата», — сказал сосед Крутикова. Партнеры встали напротив друг друга, и танец начался. Движения мужчины были сдержанными, но в них чувствовался затаившийся вулкан. Глядя на него, никому не пришло бы в голову, что он вырос не на солнечных пляжах Копакабана и Варадеро, а в замусоренном предместье Перезвона. Это была его нутряная, генетическая пластика.

Но еще больше удивляло то, откуда, из каких глубин явилась на свет пантерная грация Ларисы Егоровны. Кто бы мог представить, что эта белотелая, рыжеволосая женщина оттачивала талант соблазнения не на карнавалах Рио и Гаваны, а в школе танцев города Полетаева.

Сначала пальцы партнеров едва касались друг друга, но и этого было достаточно, чтобы почувствовать нарастающее влечение. Музыка становилась быстрее, и мужчина с женщиной то сливались телами, то отдалялись, не расцепляя рук. Они словно бросали вызов, дразнили друг друга, и это был чувственный диалог, где каждый шаг, каждый поворот, каждое вращение — не просто движение, а признание.

Воздух в клубе загустел. У Крутикова пересохло во рту. Перед ним раскрывался не танец, а страстный латинский флирт. Юрий Кириллович проस्कанировал гостей: от мужчин било током, и на их физиономиях читалось вожделение. Все они желали немедленно овладеть Смышляевой. Его, его Ларисой! Фиг вам, ишь куда метнули!

Грянул финальный аккорд. Кордебалет взмахнул страусиными перьями и принял красивые позы. Смышляева грациозно упала назад, партнер подхватил ее за спину, и оба замерли в эффектной поддержке. Бачата закончилась, как случайный поцелуй, который длится мгновение, но запоминается на всю жизнь.



Овация и крики восторга затопили зал. Танцор элегантно вывел вперед Ларису Егоровну, которая кокетливо обвела гостей взглядом и, многозначительно улыбнувшись, отвесила глубокий поклон Крутикову. Как будто сказала: «Я танцевала для тебя».

Надо ли говорить, что в эту ночь они стали Юрой и Ларой. И вот в этом уже не было ничего удивительного.

9

Не верьте, если кто-то скажет вам, будто нет чтения скучнее, чем казенный документооборот, проще говоря — деловая переписка. На самом деле за завесой бюрократических фраз скрывается вся гамма страстей человеческих. Официальные письма строят и рушат карьеры, обогащают и разоряют, дают власть и лишают ее, возносят на вершины и повергают в прах.

Крутиков все это отлично знал, и потому к аппаратно-эпистолярному творчеству относился очень серьезно. Особенно это касалось писем, адресованных мэру города.

Что может быть побудительным мотивом для обращений к начальнику? Желание обратить на себя внимание, заинтересовать своей персоной, получить должностное повышение. Необходимость оправдаться, замолить грехи, вернуть доверие, избежать наказания. Предотвращение затеянной против тебя интриги, перекрытие кислорода противнику, сваливание на него ответственности, организация контратаки или массированного наступления. Абсолютно понятные причины.

Однако директор департамента благоустройства лелеял иную цель. Возникшая в его мозгу не вдруг, она требовала обдумывания, детального расчета. Юрий Кириллович имел намерение расширить сферу своих полномочий, захватить «чужие земли» и прилагаемые к ним бюджеты. Для осуществления этой акции нужно было выбрать подходящий момент, и Крутиков кожей почувствовал, что час пробил.

Пужаев с его переменчивым нравом пока что явно благоволил Юрию Кирилловичу. Хотя поиск организаторов и исполнителей покушения завис, мэр любил к месту ввернуть тезис о том, сколь опасна работа хозяйственного руководителя, принципиального борца с коррупцией. В этом плане Крутиков служил отличной ролевой моделью. В придачу он преуспел на поприще «Золотой лады», и Федор Назарович удостоил его публичной похвалы и благодарности в приказе, а также денежно премировал сотрудников департамента. Наконец, вишенкой на торте стал триумфальный гол Перезвону, за который его автор был прилюдно обнят и целован капитаном команды.

Короче, Крутиков понял, что дальше тянуть нельзя. Былые заслуги быстро забываются, сказал он себе и взялся за письмо мэру.

Он, разумеется, знал, что размер имеет значение. Слишком короткая бумага покажет легковесность и несерьезность просителя, слишком длинная — неуважение к руководителю с его нечеловеческой занятостью. Полторы страницы — самое то. Нет такой темы, включая реорганизацию государственной системы управления и преодоление мирового финансового кризиса, которую нельзя было бы уместить на полутора страницах.

В первом абзаце Юрий Кириллович привел собственное толкование слова «благоустройство». Вверенный ему департамент призван устраивать благо для жителей славного Полетаева, и по этой причине было бы целесообразно расширить функции и полномочия данной структуры, на деле подтвердившей свою эффективность и высокий потенциал. Далее шло перечисление того, что Крутиков намеревался позаимствовать (или, если угодно, стырить) у ничего не подозревающих коллег.

У департамента энергетики он предлагал изъять и перевести в его ведение световое оформление города и установку уличных фонарей. У департамента транспорта — разработку и сооружение автобусных, троллейбусных и трамвайных остановок нового поколения. У департамента природопользования — аж целый парк культуры и отдыха, а в придачу — очистку городских водоемов. У управления главного архитектора города — проектирование и установку городских скульптур и малых архитектурных форм, а чтобы мало не казалось — добавить сюда же уличные указатели и информационные стенды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.